

Нити магии

Автор:

Эмили Бейн Мерфи

Нити магии

Эмили Бейн Мерфи

Young Adult. Пробуждение магии. Тёмное фэнтези

Магия не всегда защищает её обладателя. И мир, где живёт Марит, тому подтверждение. Владеть волшебной силой в Дании в 1866 году – не привилегия, а проклятие. Каждое новое заклинание оставляет опасное вещество Фирн в венах магов, приближая их к смерти. Фирн убил сестру Марит, после чего та поклялась никогда не использовать свою магию нитей. Но когда её близкую подругу удочеряет влиятельная семья Вестергард, девушка готова на всё, чтобы остаться рядом. Она решает рискнуть и применяет магию, чтобы получить работу швеи в их доме. Но Марит с семьёй Вестергард связывает ещё кое-что. Её отец погиб, работая в их шахтах по добыче драгоценных камней. И всё указывает на то, что это не был несчастный случай. Чем ближе девушка становится к разгадке тайн этой влиятельной семьи, тем больше её близким угрожает опасность. Марит оказывается в центре предательского обмана, доходящего до короля Дании. И теперь магия – единственное, что может спасти её. Если не убьёт раньше.

Эмили Бейн Мерфи

Нити магии

Для тех, кто по-прежнему ищет дом.

А для Пита – слива.

Самое болезненное состояние – воспоминания о будущем, особенно том будущем, которого у тебя никогда не будет.

Серен Кьеркегор

Все, на что ты смотришь, может стать сказкой, и ты можешь извлечь историю из всего, до чего дотронешься.

Ганс Кристиан Андерсен

Прогнило что-то в Датском королевстве.

Уильям Шекспир

Emily Bain Murphy

SPLINTERS OF SCARLET

Copyright © 2020 by Emily Bain Murphy

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: © Moonnoon, Vector Tradition, YegoeVdo22 / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Смирнова М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава первая

Марит Ольсен.

7 ноября 1866 года.

Карлслунде, Дания

Кровь на Евином кружеве.

Я переворачиваю ладонь, когда свежая, обличающая алая капля расцветает на кончике моего пальца. Красная полоска тянется вниз по кружеву и стекает на слои тюля, которые я всю неделю старательно превращала в пышные и легкие, словно меренга, складки.

Вскрикнув, роняю швейную иглу и раздражаюсь обильными ругательствами.

Завтра самое важное выступление в жизни Евы, а я залила ее наряд кровью, словно зарезанная свинья. Посасываю кончик пальца, чувствуя на языке вкус металла, и украдкой обвожу взглядом портновскую мастерскую Торсена. В кои-то веки я здесь одна, сижу, спрятавшись в дальнем углу за грудями неярких шерстяных тканей и узорчатых кружев, шелковых шарфов, расшитых птицами, среди перламутровых пуговиц и игольниц, утыканных булавками.

«Можно взять больше тюля», – думаю я. Торсен хранит всю грудку неразобранного товара на третьем этаже. Он может и не заметить пропажу тканей до того, как я отдам за них деньги из своего жалованья за следующую неделю. Встаю, вспоминая, как обещала Еве сделать все, дабы завтра ее заметили. Я представила ее в наряде, расшитом стеклянным бисером, в котором она будет сверкать, словно льдинка на солнце, а не так, будто исполняет арабески для мясника Ниласа.

Завтра чета Мадсенов, Фрейя и Томас, придут в сиротский приют «Мельница», высматривая для себя приемную дочь. Мысль об этом заставляет мое сердце

сжиматься. Я разнюхивала, вытягивая короткие ответы из молчаливой Несс, начальницы приюта, ловила обрывки разговоров служанок, забиравших из мастерской заказы своих хозяев. Судя по тому, что я узнала, Мадсены живут за два города отсюда, но туда все равно можно доехать за одно утро в повозке, и к тому же это, возможно, лучший шанс Евы на то, чтобы ее забрали из приюта.

Если поспешу, смогу взять то, что мне нужно для наряда, до того, как вернется Агнес, моя соседка по комнате. Иначе она наябедничает раньше, чем я успею спуститься вниз.

Но как только я ступаю на первую ступеньку лестницы, колокольчик над дверью звякает, и помянутая Агнес врывается в дверь с вихрем листьев. Я замираю, держась одной рукой за перила.

– Что ты делаешь? – спрашивает она, разматывая шарф. Мы работаем бок о бок в мастерской Торсена и живем вместе в тесной каморке наверху с тех пор, как три месяца назад я стала слишком взрослой для «Мельницы». Агнес немногим старше меня, однако пронырлива и ворчлива, точно старая дева. Но на самом деле она еще хуже, потому что обожает совать нос в чужие дела.

– Я просто... – начинаю я, но она даже не слушает.

– Ты слыхала? – она склоняет голову набок и приглаживает волосы, растрепанные ветром. Мое сердце пропускает удар. Агнес явно чему-то рада. Такой радостный вид у нее бывает только тогда, когда она собирается сообщить плохие новости.

– Что? – шепчу я.

– В «Мельнице» паника. Та пара, что хотела приемыша, ну, Мадсены, они не приедут завтра. – Агнес, щурясь, смотрит на меня и кривит губы в неприятной улыбке. – Они приезжают сегодня.

Во рту у меня пересыхает. Эгоистичная часть меня шепчет: «Может быть, теперь они не выберут Еву». Но я пинком отбрасываю эту мысль, словно пса, норовящего вцепиться мне в лодыжку.

Агнес следит за моей реакцией с растущим удовольствием и, когда я отворачиваюсь, следует за мной. Я поднимаюсь на второй этаж, пытаюсь как-то отделаться от нее.

– Знаешь, кажется, я видела тут мышь, – бросаю через плечо, и Агнес, взвизгнув, замирает на полсекунды, но потом видит, что я прохожу мимо нашей каморки и иду дальше.

– Куда ты собралась, Марит? – кричит она, поднимаясь вслед за мной по деревянной лестнице.

Ни ее, ни меня никто не захотел удочерить, но я надеюсь, что мне лучше, чем ей, удастся скрывать разочарование. Она переросла «Мельницу» за год до меня, и обида разъедает ее душу, словно гниль, отвращая людей первым же дуновением. Агнес неизменно хочет, чтобы ни у кого не было того, чего нет у нее.

«Не будь такой, как Агнес, – говорю я себе. – Ты же хочешь, чтобы у Евы была семья?» Даже если это значит, что ее заберут и увезут прочь, хотя кроме нее у меня больше никого нет в целом мире.

Может быть, на сей раз мой разум наконец-то придаст этой лжи достаточную прочность, чтобы она не расползлась по швам.

– Не знаю, почему это тебя так волнует, – говорит Агнес за моей спиной. – Мадсены могут выбирать из множества девочек. У Евы почти нет шансов на то, что выберут именно ее.

– Прекрати болтать, Агнес. – Я миную площадку и иду дальше, на третий этаж. Агнес ошибается. Несс, похоже, верит, что на самом деле у Евы есть отличный шанс. Потому что Несс учит девочек танцевать, а Ева – лучшая танцовщица из всех.

– Если, конечно, – продолжает Агнес, – Ева не сделает чего-нибудь, чтобы... ей повезло больше.

Я останавливаюсь на последней ступеньке, которая пронзительно скрипит под моим весом.

- Что ты имеешь в виду? – холодно спрашиваю я.

- Да ничего, по правде сказать. Просто ходят всякие слухи, – Агнес цокает языком, – насчет магии.

Моя кровь начинает закипать. Я преодолеваю последнюю ступеньку и останавливаюсь перед шкафом с тканями.

- Она всегда хорошо танцевала, – не унимается Агнес. – Необычайно хорошо. Возможно, неестественно хорошо.

- Ева не владеет магией, – возражаю я.

Магия. Чтобы преуспевать в чем-то одном с самого рождения, подобно талантливейшим ученым, и делать то, что другие способны сотворить только в грезах. Магия – дар, который берет с тебя огромную цену. Я содрогаюсь при мысли о своей сестре Ингрид, о голубом инее, сплетающем узоры под нежной кожей ее запястий.

Агнес пожимает плечами.

- Если воспользоваться магией, это заставит их выбрать ее, – произносит она нараспев, – пока Фирн не обратит кровь в лед.

Я опускаюсь на колени и принимаюсь разбирать коробки, скрипя зубами. Агнес такая дрянь!

- Ева не владеет магией, – повторяю я. – Кому это знать, как не мне?

Хватаю отрез ткани и катушку золотой нити, когда Агнес вдруг замечает, что я делаю.

- Эй! Ты не заплатила за это! – кричит она.

Я выпрямляюсь. Сейчас мои мысли только о Еве, которая ждет меня в «Мельнице»: она наверняка постукивает пальцами, сердце ее колотится в горле... Как мне хочется, чтобы Мадсены выбрали ее сегодня, и как в то же время я этого не хочу!

– Я расскажу Торсену, – Агнес скрещивает руки на груди и становится прямо передо мной, в ее холодных голубых глазах читается вызов. – Он выгонит тебя, и вся комната снова будет в моем распоряжении.

– В таком случае, – протискиваюсь мимо нее и беру баночку со стеклянным бисером, о котором я грезил, – я вполне могу взять и это тоже.

Ее возмущенное аханье меня мало утешает, поэтому я разворачиваюсь и делаю шаг к ней, принимая, в свою очередь, угрожающий вид.

– Давай заключим сделку, Агнес. Чего ты хочешь?

Она прищуривает глаза и задумывается, машинально разглаживая свой передник.

– Чтобы ты прикрывала меня, когда я уйду в обеденное время, каждый день в течение месяца, – заявляет она. – Начиная... – внизу старинные часы бьют двенадцать раз, обозначая наступление полудня, – с этой минуты.

Я протягиваю ей руку, и она поджимает губы, но потом все же принимает мое рукопожатие, скрепляя сделку.

– Не подавись своим обедом! – предупреждаю я, помахивая ей украденной тканью. Она, не прощаясь, уходит и оставляет меня стоять на верхней площадке лестницы.

«Хорошо», – думаю я, стараясь забыть о том, что она сказала. О магии и о том, что остается после нее, о Фирне, который замораживает кровь в жилах, убивая тебя изнутри.

Мои руки крепче стискивают баночку с бисером.

Все равно для того, что я собираюсь сделать, Агнес должна была уйти.

Глава вторая

Запереть дверь за Агнес и сложить позаимствованные материалы на свой рабочий стол, придвинуть стол поближе к мерцающей углями жаровне в углу... Выложенная брусчаткой улица за окном серая и мокрая, усыпана листьями, а тупоконечные крылья ветряной мельницы медленно вращаются за крышами фахверковых домов. Жители Карлслунде спешат мимо мастерской, пригибая головы против ветра, и их карманы залатаны так грубо, что в кончиках моих пальцев возникает зуд.

Я осматриваю испорченный наряд Евы, выискивая кружево, не запятнанное красным, и дрожащими руками перебираю ткань. Когда я была маленькой, другие девочки шепотом рассказывали друг другу жуткий стишок, а иногда пели его, водя хоровод на рыночной площади:

Магия водой течет

И морозит, словно лед,

С тех, кто меры в ней не знает,

Цену страшную берет.

Я выглядываю в окно, дожидаясь, пока улица опустеет. Сироты, владеющие магией, в равной степени ценны и уязвимы. Если мы попадем не в те руки, нас заставят использовать ее до тех пор, пока мы не сгорим подобно ярким коротким вспышкам.

Даже сейчас я содрогаюсь, представляя, что Торсен обнаружит мои способности.

Улица пуста, но я все же колеблюсь. Я не применяла магию почти два года. «Только в самых крайних случаях», – обещала я себе и держала магию под спудом, точно оружие, чрезвычайно непостоянное и ненадежное. «Что ж, это крайний случай, – говорю себе. – Для Евы». Делаю резкий вдох, словно готовясь нырнуть в темную холодную воду. Применять магию пугающе легко. Так же

легко, как велеть своим легким до отказа наполниться воздухом. Для этого требуется чуть больше, чем просто приказ. Нужно лишь немного сосредоточиться.

Я закрываю глаза. «Все в порядке, – убеждаю себя, стискивая пальцы. – Такой крошечный, незаметный кусочек магии не в счет».

Разжимаю кулаки, и в моих пальцах сразу же начинает покалывать и петть долго спавшая магия. Я провожу ими по каждому незапятнанному участку кружева и ощущаю восторженный трепет, когда что-то просачивается сквозь мою кожу и наполняет нити. Я стараюсь не думать о магии как о чем-то драгоценном, утекающем из моего тела. Или как о подожженном фитиле. Правда заключается в том, что я забыла, насколько это быстро и легко. Как головокружительно приятно чувствуется магия. От моего легчайшего прикосновения узлы ослабевают и расплетаются.

Кусочек кружева падает мне на ладонь, нежный, словно снежинка, и узорчатый, словно филигрань.

Теперь, когда Агнес не стоит у меня над душой, мне требуется всего семь минут, чтобы восстановить жесткие узорные соты тюля; работая вручную, я потратила бы на это много часов. Сердце мое колотится, пока слои кружева ложатся на корсаж, словно кусочки витражного стекла.

«Может быть, Мадсены выберут кого-нибудь другого», – думаю я, глядя на часы. Откупориваю баночку с золотистым и белым бисером, которую принесла сверху, и прикладываю бусины к ткани. Нити мгновенно и туго сплетаются, удерживая их на месте так легко, как если бы я украшала ягодами глазированный торт. «Может быть, я смогу накопить достаточно денег, чтобы когда-нибудь самой удочерить Еву».

Я никогда не позволяла себе всерьез или слишком долго играть с этой мыслью, и сердце мое неожиданно сжимается. Как и последний узел на ткани. «Сегодня, – яростно говорю себе, – сегодня для Евы самое лучшее – если Мадсены удочерят ее». Поэтому я дам ей лучший шанс, какой только могу, – это кружевное платье, в которое вплетена магия.

А потом пусть игральные кости судьбы упадут так, как упадут.

Поспешно перебрасываю готовый танцевальный костюм через руку, запираю за собой дверь и почти бегу вверх по покато́й улице к приюту. Я иду на огромный риск. Если Торсен обнаружит, что в мастерской нет никого, нас с Агнес обеих выкинут на улицу. Пробегаю мимо лавки мясника, пахнущей железом, мимо закопченных окон кузницы, мимо дубильни с просевшей крышей. Из-за нескольких волн холеры и двух Шлезвигских войн в Дании появилось много таких ломовых лошадок, как я: полуголодных и вечно должных сирот, которые трудятся в этих мастерских и лавках, тратя весь свой заработок на то, чтобы хоть как-то прожить. Чья жизнь ограничена пределами одного квартала. Я ускорю шаг, увидев впереди покосившуюся крышу «Мельницы». Десять лет назад мой отец работал в известняковых копях, когда кровля рухнула, придавив его и еще двенадцать человек – то была самая страшная катастрофа на шахтах, какую когда-либо видела Дания. Месяц спустя Фирн забрал мою сестру, и в одночасье у меня во всем мире не осталось ни одной родной души – словно ветром задуло свечу.

Я не хочу такого для Евы. В одиннадцать лет у нее еще есть слабый шанс быть удочеренной. Но сегодняшняя возможность, вероятно, последняя.

Я проскальзываю в приют через кухонную дверь, мимо согнутой спины повара Силаса, и лечу вверх по боковой лестнице. Здесь пахнет гвоздикой и кардамоном, а значит, он печет канелстэнге – рулет с корицей. В продуваемой сквозняками общей комнате на втором этаже Ева и другая сиротка, Гитте, топчутся перед зеркалом, укладывая волосы в высокие пучки.

Из меня вырывается вздох облегчения. Я не опоздала.

Кончики моих пальцев все еще покалывает, точно от мороза.

Гитте первой заканчивает делать прическу и подталкивает Еву в бок.

– Ты идешь?

Ева ловит мой взгляд в отражении в зеркале.

– Минутку.

Она стаскивает бледно-розовое платье, которое раздобыла где-то Несс. В одних местах оно неаккуратно обвисает, а другие обтягивает слишком туго. Гитте кивает мне, выходя из комнаты.

- Несс говорит, что Мадсены могут приехать в любой момент.

Я вспоминаю день, когда Ева появилась в «Мельнице». В первые дни своего пребывания в приюте большинство малышей или плачут, точно брошенные котята, или воркуют, опустив ресницы. Ева была молчаливой: темноволосой, со смуглой кожей и сверкающими темно-кариими глазами. За полгода она едва вымолвила пару слов. До тех пор, пока как-то утром ее Вуббинс не зацепился за что-то, разорвавшись почти пополам. Вуббинс, жуткая тряпичная игрушка, предположительно в виде кролика, был без одного глаза, а его набивка вечно собиралась комками. Ева пришла ко мне и со слезами на глазах, протянула его.

- Ты можешь починить его? - спросила она. Я была первым - и единственным - человеком, которого она попросила о чем-либо.

Теперь же глаза Евы, миниатюрной для своих одиннадцати лет, находятся точно на уровне моего сердца.

- Марит! - произносит она, поворачиваясь ко мне. Когда наши глаза встречаются, на ее лице расцветает прелестная улыбка. - Откуда ты узнала, что нужно прийти сегодня?

- Агнес в кои-то веки на что-то сгодилась, - отвечаю я, протягивая ей платье. - Ненамеренно, конечно. Вот, держи.

Ева бросается к своему наряду.

- Ты только посмотри! - восклицает она, осторожно касаясь ткани кончиками пальцев. - Ты что, пытаешься сделать так, чтобы меня увезли отсюда?

Мой желудок сжимается, и я поворачиваюсь к ней спиной.

- Поспеши.

Пока она переодевается, я смотрю на маленький квадратик серого неба. В первую неделю после ухода из «Мельницы» я каждый вечер выскальзывала из мастерской Торсена и приходила сюда, чтобы взглянуть на окно общей спальни. Меня саму удивляла моя тоска по Несс, по Еве, по моей постели. На четвертую ночь я заметила в окне Еву: она отработывала пируэты в слабом свете уличного фонаря, пока все остальные спали. Я целый час смотрела на нее, и к тому времени, как вернулась в мастерскую, в моей душе почему-то угольком разгорелась надежда.

Мое сердце закрывается, как цветок ночью, и я гадаю, сколько минут разлуки нужно, чтобы превратить того, кого ты любишь, в чужого человека?

Я крепко зажмуриваюсь.

– Тебе помочь с пуговицами?

В ответ Ева тихонько взвизгивает от радости.

– Я похожа на Хелену Вестергард? – спрашивает она, крутясь перед зеркалом. Хелена Вестергард, сирота из «Мельницы», которая выросла и стала одной из самых прославленных балерин Дании. В то время когда другие маленькие сироты жаждали послушать сказки Ганса Кристиана Андерсена, а те, что постарше, хотели страшных легенд о жуткой демонице Маре-Ветт, Ева всегда просила рассказать ей о Хелене Вестергард.

– Ты даже лучше Хелены Вестергард, – отвечаю я ей, и все же угли затаенной обиды внезапно разгораются в моей душе от упоминания этого имени. Хелена протанцевала себе путь к статусу, о котором никто из нас, воспитанниц «Мельницы», даже мечтать не мог. Сначала на королевскую сцену Дании, а потом, посредством брака, вошла в блистательное и богатое семейство Вестергардов. Я никогда не рассказывала Еве о моей собственной горькой связи с Вестергардами. О том, что именно им принадлежала шахта, в которой погиб мой отец. О том, что Вестергарды прислали возмещение, которого едва хватило, чтобы покрыть расходы на похороны отца, не говоря уже о похоронах моей сестры месяц спустя. Вместо этого я пересказывала истории о легендарном возвышении Хелены Вестергард, а потом прикусывала язык, на котором это имя вертелось еще долгое время. Когда Ева засыпала, я дивилась тому, что жизнь знаменитой балерины была странным отражением моей собственной: Хелена

покинула «Мельницу» для роскошного будущего в семье Вестергардов с их шахтами, в то время как эти самые шахты отняли мое будущее и отправили в «Мельницу». Своего рода полный круг, монета, где Хелене досталась светлая сторона, а мне темная, и я никак не могла отделаться от мыслей об этой странной связи.

– Марит, – произносит Ева, поправляя лямку на плече и вздрагивая от предвкушения. – Это действительно может случиться сегодня.

– Может, – бодрым тоном подтверждаю я. Потом моргаю, изо всех сил стараясь не думать о том, как она выглядела в четыре года, когда по ночам забиралась ко мне в кровать, потому что вой ветра за окном пугал ее.

– И это значит, что мы, возможно, видимся в последний раз... – продолжает она.

Я отворачиваюсь. Я знаю, чего она хочет от меня, и, чувствуя странную неловкость, принимаюсь теревить завязки своего передника.

– Пожалуйста, – тихо говорит она. – Я заслуживаю того, чтобы знать, верно? Ты обещала, что когда-нибудь скажешь мне. – Ее потертые туфельки шелестят по деревянному полу.

Несколько лет назад она подслушала, как старшие девочки сплетничали о вещах, до понимания которых она почти доросла. О том, что ее мать владела магией и что это убило ее. Я никогда прямо не врала Еве о том, что сама тоже наделена магией. Но этой тайной я никогда не делилась ни с кем, строго охраняя свой секрет с той самой ночи, когда умерла моя сестра. А разговоры о Фирне всегда подводили слишком близко к другим вопросам, на которые я не хотела отвечать.

– Ладно, – говорю я наконец, сосредоточив внимание на пряди волос, выбившихся из прически Евы. – Да, я полагаю, что ты уже достаточно большая, чтобы услышать это. Я действительно считаю, что твою мать мог убить Фирн. Я однажды подслушала, как Несс говорила об этом.

Плечи Евы напрягаются.

– Моя мать слишком беспечно обращалась с магией? – она с трудом сглатывает, как будто я подтвердила что-то, чего она всегда боялась. – Когда я была маленькой? Она... предпочла это мне?

– Все не так просто, – отвечаю я и закалываю шпилькой выбившийся локон. – Попробуй представить себе магию как игру с очень сложными правилами. – Я вздыхаю. – И иногда... возможно, риск того стоит. Может быть, это лучший выбор из двух трудных вариантов.

– Игра... – Печаль омрачает ее глаза, как будто задевает что-то в глубине ее существа. То самое, чего я всегда пыталась избежать. – Игра, которую она проиграла, – шепчет Ева.

Я скупно киваю ей и думаю: «И моя сестра Ингрид – тоже».

– Ева? – зовет с нижнего этажа Несс.

– Иду! – откликается она, после чего неожиданно поднимает взгляд на меня, и ее темные глаза горят в сером полумраке комнаты. – Но ты уверена, Марит? Потому что... у меня нет магии.

Я подозревала об этом, но теперь меня охватывает такое сильное облегчение, что едва удерживаюсь на ногах.

– Это хорошо, – тихо говорю я. Ева обвивает меня руками, и я обнимаю ее в ответ, чувствуя, какая она тонкая и хрупкая.

– Марит, погоди. У тебя ведь тоже ее нет... верно? – спрашивает она, неожиданно отстраняясь.

Я вспоминаю потрясение на ее маленьком личике много лет назад, когда я вернула ей Вуббинса, чудесным образом приведенного в порядок. Ощущение магии наконец исчезает из моих пальцев, и приятный холодок сменяется теплом. Мне хочется взглянуть на их кончики, на тонкую кожу своих запястий.

– Конечно, нет, – я подталкиваю Еву к двери.

Шагнув в коридор, она оборачивается, вся мерцая из-за того, как бисер, позаимствованный мною, отражает свет.

- Хорошо, - говорит она мне и улыбается. - Тогда нам обоим нечего бояться.

Глава третья

Внизу, в гостиной «Мельницы», ковер, закрывавший истертый деревянный пол около камина, отодвинули, чтобы создать импровизированную сцену. Старые хлипкие стулья расставили полукругом, окаймляя почетные места - два больших вольтеровских кресла с видневшимися брызгами чая на выцветших от солнца подлокотниках. Обстановка та же, что и в те времена, когда я росла здесь: мы все были вынуждены участвовать в каком-нибудь представлении, если Несс узнавала заранее, что потенциальные приемные родители готовятся нанести визит. Она пыталась заставить нас выглядеть как можно интереснее: то мы сидели в грязи и пропалывали жалкую пародию на огород ради женщины, проявлявшей интерес к садоводству. То сидели с толстыми книгами вокруг очага, когда в гости собирался приехать ученый. Чаще всего девочек с красивыми голосами заставляли петь, пока остальные прихлебывали жидкий чай из тонких фарфоровых чашек и ели слоеные канелстэнге, присыпанные корицей. Детей, которые умели петь, всегда забирали.

Но сегодня Еве дан лучший шанс блистать, потому что девочки должны будут танцевать.

Те, кто не участвует в выступлении, заняли зрительские стулья. В камине потрескивает огонь, и в трещине в окне свистит ветер. Никто не разговаривает со мной, хотя я ушла из приюта всего три месяца назад. И знаю почему. Потому что я - напоминание о будущем, о котором они не хотят думать.

Несс смотрит на часы.

Чай остывает.

Я покинула мастерскую Торсена почти час назад, а почетные места все еще пусты. Каждая минута моего пребывания здесь отдает безрассудством и глупостью. Ева завернулась в длинный свитер, чтобы прикрыть свой наряд, и продолжает стоять в безупречной позе, хотя другие танцовщицы прислонились к стене или расселись по стульям среди зрителей. Когда ей было семь лет, она часами листала книгу с изображениями балерин, изучая их позы, пока листы не стали выпадать из корешка, точно осенние листья.

Эту книгу подарила «Мельнице» Хелена Вестергард.

Теперь Ева наклоняется, чтобы разогреть мышцы, и, когда она нервно отстукивает пальцами по стене безмолвный ритм, я стараюсь не думать о своем жалованье, потраченном на ее наряд. А ведь эти деньги мне только предстоит заработать.

– Может быть, они все-таки не приедут сегодня... – произносит Несс, но Ева вскидывает голову, услышав отрывистый стук в парадную дверь. В гостиную входят мужчина и женщина средних лет, глаза у обоих светлые. У мужчины короткие седеющие усы, и он сразу же пускается в извинения за часовое опоздание. Несс жестом показывает «что вы, что вы, ничего страшного!» и ведет чету на почетные места, а красивая девочка по имени Тенна приносит им горячий чай и склоняется в реверансе. Вынуждена признать, что мне нравится улыбка женщины; и мое горло сжимается, когда я смотрю, как они устраиваются в креслах. Еще раз бросаю взгляд на часы, пока Мадсены слушают, как трио девочек поет простую мелодию чистыми, высокими голосами. Тенна зачитывает изречение из Писания по потрепанной Библии «Мельницы», а потом Несс дает знак стайке танцовщиц.

Они, семена, выстраиваются по росту. Самые маленькие одеты в платья из поеденного молью тюля, и в их волосы вплетены розочки, сделанные из лент. Я знаю, что Несс делает все возможное, но это ужасно: чувствовать себя конфетой, выставленной в витрине, и надеяться, что тебя выберет человек, готовый предложить тебе хорошую жизнь, а не новый кошмар. Я смотрю, как Ева занимает свое место, все еще закутанная в свитер поверх наряда, и краснею от неожиданных воспоминаний о том, как использовала магию в последний раз до сегодняшнего дня. Это случилось два года назад, когда я была уже слишком взрослая, чтобы меня удочерили, и прекрасно это понимала, но в последней вспышке отчаяния применила магию, чтобы сшить себе новое платье. Я никогда не забуду выражение лица Евы, когда она увидела меня в то утро и поняла, как

сильно мне хочется, чтобы меня выбрали. Даже если это будет означать, что я покину ее. В итоге это ничего не изменило, потому что та семья выбрала Аню, девочку с ангельской улыбкой и ужасающей склонностью к истерикам на пустом месте. В ту ночь я пропитала свою подушку горячими слезами, рыдая о том, что использовала драгоценную магию и причинила боль Еве. И все ради ничего. Утром я отдала это платье, отказавшись от него, как и от моей последней мечты когда-либо быть удочеренной.

На самом деле, я вижу это платье с высоким вышитым воротником прямо сейчас, на одной из старших сирот, разносящих бисквиты зрителям первого ряда; они лишь немного потеряли вид.

А потом Ева снимает свой свитер, и вся комната ахает.

Я сижу в тени, в дальнем углу, и румянец гордости и довольства заливает мое лицо при виде того, как она сверкает в своем наряде. Но Ева словно не замечает реакции зрителей; она вскидывает голову, принимает балетную позу и ждет, мышцы ее напряжены, как натянутые струны.

Элин садится за маленькое фортепиано, чтобы сыграть что-нибудь легкое и живое, и Ева ждет позади ряда младших девочек. Темп нарастает и нарастает, я невольно начинаю постукивать ногой в такт, и, когда наступает очередь Евы, кажется, будто она много лет собирала в себе музыку ради этого самого момента. А теперь наконец отпирает засов и выпускает ее на свободу.

Она изгибается и вытягивается, изящная и стройная. По комнате гуляет сквозняк: в одном месте оконное стекло неплотно прилегает к раме. Здесь стоит запах нафталина, и даже аромат свежесваренного чая не в силах скрыть этого. Но Ева словно танцует в каком-то ином пространстве, вне всего этого. О, как я ее люблю! По сравнению с ней другие девочки выглядят так, словно их конечности сделаны из дерева и подвешены на ржавые петли.

Я хочу схватить госпожу Мадсен за руку и сказать ей, что Ева никогда в жизни не училась по-настоящему. Что она просто чувствует музыку и переводит ее в танец так же естественно, словно просто говорит на другом языке.

«Только представьте, – хочу взмолиться я, – кем она может стать, если у нее будет настоящий дом, настоящее обучение! Представьте, кем она сможет стать

с вами!»

Ева танцует так, словно ее сердце расплавилось и теперь течет по жилам золотым, изнывающим от тоски огнем. Мне с трудом удается оторвать от нее взгляд, чтобы посмотреть на Мадсенов, напряженно взирающих на нее. В сердце тугими узлами сплетаются лозы надежды и страха, когда я вижу выражение их лиц. Они смотрят так, словно впервые узрели свою дочь.

Когда музыка доходит до кульминации, Ева вскидывает ноги в свободном, импровизированном жете?^[1 - Жете (франц. jete, от jeter – бросать) – одно из основных прыжковых па в классическом танце, при котором во время танцевального шага тяжесть корпуса танцовщика переносится с одной ноги на другую.]. Завершив танец, она стоит, покрасневшая и запыхавшаяся, и смотрит на нас, остальных, пылающими глазами.

Мадсены хлопают в ладоши, девочки кланяются и тянутся в столовую, чтобы расставить на столе блюда с фрикадельками, корнишонами, ломтями темного ржаного хлеба, курятиной в коричневом соусе, кувшины с ревеневым компотом и глегом, в котором плавают золотистый изюм. Мое сердце подпрыгивает куда-то в горло, когда Мадсены жестом подзывают к себе Несс.

– Мы хотели бы поговорить с одной из девочек, – произносит госпожа Мадсен, и я слежу за ее длинным тонким пальцем, указывающим в ту часть комнаты, где стоит Ева. Я делаю судорожный вдох.

– С Евой? – спрашивает Несс. Ева приседает в реверансе.

– Нет, – отвечает госпожа Мадсен. – С той, светленькой, рядом с ней.

Дыхание застревает у меня в горле. Она имеет в виду Гитте. Гитте, которая и близко не так хороша, как Ева, даже наполовину. Я вижу, как Ева часто моргает. На ее лице заученная улыбка, которая заставляет меня ненавидеть их всех и себя тоже, потому что, честно говоря, я ужасно рада.

– Гитте! Подойди сюда! Иди поговори с Мадсенами вон там, в дальней комнате! А потом... пир! – говорит Несс, сияя.

Делаю шаг к Еве. Я собираюсь рассказать ей о своих планах. Прямо сейчас. О том, что хочу накопить достаточно денег, чтобы когда-нибудь мы, возможно, сами смогли создать для себя будущее. Что если нас никто не выбирает, то мы можем выбрать друг друга. Я уже на полпути к ней, когда вдруг слышу другой женский голос.

– Несс, – мягко говорит эта женщина шепотом, звучащим из тени позади нас. Вся гостиная в потрясении поворачивается к ней. Должно быть, она проскользнула в комнату, пока девочки танцевали, и я была слишком поглощена представлением.

Мое сердце яростно колотится, когда я резко оборачиваюсь, силясь рассмотреть ее. Женщина выходит из тени на свет.

– Я тоже хотела бы поговорить наедине с одной из девочек, если можно.

Сначала я замечаю ее длинные ноги – ноги балерины – и сверкающие шпильки в прическе. Стекланный кулон у нее на груди блестит, и я вижу на нем изображение молота и кирки. Герб хозяев копей, герб Вестергардов.

Я медленно поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Еву. Она стоит, замерев, и дышит часто и неглубоко. Но ее лицо выражает потрясение и недоверие, едва к ней приходит осознание, кто перед ней. Хелена Вестергард.

Женщина обводит взглядом комнату и устремляет его на Еву. Потом слегка улыбается, грациозно вытягивает руку и мягко произносит:

– Ты.

Глава четвертая

Веки Хелены Вестергард подведены, образуя в уголках глаз изящные стрелочки. У нее густые волосы каштанового цвета, собранные в высокую прическу, которую скрепляют шпильки с навершиями в виде стеклянных цветов. Ее плащ из роскошного угольно-черного бархата, расшитый сложным розово-золотым

узором, должно быть, стоит не меньше моего жалованья за два года. Когда-то Хелена была сиротой и жила в этом самом приюте, спала в продуваемой сквозняками комнате наверху. А теперь превратилась в поразительную красавицу, властная аура которой заставляет всех в комнате умолкнуть. И она самая богатая персона, какую я когда-либо видела лично. Александр Вестергард умер год назад, спустя семь лет после брака с Хеленой, и оставил своей вдове все, включая обширную горнодобывающую империю.

При виде нее в моей душе воскресает все то отвращение, которое я годами пыталась подавить. Оно просачивается наружу, словно дым сквозь прутья стальной клетки.

Я делаю шаг вперед, когда Хелена уводит Еву и они скрываются в приватной комнате возле кухни. Дверь за ними закрывается.

Кровь яростно стучит у меня в ушах, а во рту появляется медный привкус. Выдержать мысль об удочерении Евы Мадсенами было достаточно тяжело. Но отдать Еву Вестергардам – просто невыносимо.

Остальные девочки-сироты разбредаются кто куда. Но я иду за Несс в маленький кабинет, расположенный под лестницей, и врываюсь туда следом за ней.

– Это вы перенесли визит Мадсенов на сегодня, да? – спрашиваю я, упирая руки в бока. – Вы попросили их приехать раньше?

Несс пожимает плечами и принимается рыться в бумагах.

– Я пригласила их всех сюда, – пренебрежительно отвечает она. – У меня было предчувствие, что Хелена может заинтересоваться Евой. Они во многом похожи. И – да, я уже давно поняла, что небольшое состязание часто способствует тому, чтобы кого-нибудь из вас удочерили. – Несс хитра, и я думаю, что на свой лад действительно заботится о нас. Она всегда изыскивает способ подкинуть нам косточку. Не свою, конечно, но она без колебаний позаимствует ее у кого-нибудь, если это сможет помочь одной из нас. – Все получилось так, как я и надеялась, – Несс поднимает на меня острый взгляд. – Ты должна радоваться за нее.

– Где живет Хелена, Несс? – спрашиваю я, слыша отчаяние в собственном голосе.

– К северу от Копенгагена.

– Это целый день пути отсюда! – говорю я, не позволяя своему голосу звучать громче приличного. – Я больше никогда не увижу Еву!

Несс устало вздыхает.

– Съешь хлеба, Марит, – она со звоном перебирает ключи и опускается на колени перед шкафчиком с документами. – Не будь наивной. Ты не хуже меня знаешь, что большинство родителей даже не посмотрят дважды в сторону Евы, не говоря уже об удочерении.

Я это заметила, но пыталась убедить себя, будто дело не в том, что Ева резко выделяется среди светлокожих сироток и родителей. Будто это не имеет никакого отношения к тому, что ее мать была родом из Вест-Индии[2 - Вест-Индия (англ. West-Indies – «Западная Индия» или «Западные Индии») – историческое название островов Карибского моря, в том числе Карибских островов, Багамских островов и островов в прилегающих к ним водах Мексиканского залива и Атлантического океана (в том числе и некоторые континентальные острова у побережья континента). Противопоставляется Ост-Индии («Восточной Индии») – странам Южной и Юго-Восточной Азии.], а ее отец мог быть кем угодно.

– Никогда не думала, что ты настолько эгоистична, девочка моя, – продолжает Несс. – По крайней мере, попытайся мыслить разумно.

– А может, я не могу мыслить разумно, когда речь идет о Вестергардах! – бросаю я сквозь сжатые зубы таким тоном, который никогда не посмела бы использовать в те времена, когда жила под крышей Несс. – Мой отец погиб в их шахте, вы не помните?

Голос ее становится суровым:

– Помню, это было ужасное несчастье. И все же, как ты думаешь, откуда в прошлое Рождество взялись льняные простыни на твоей кровати? Думаешь, кто регулярно присылает нам деньги, чтобы мы могли купить обувь? Король Дании? – Она пригвозждает меня к месту ледяным взглядом, от которого в испуге

съеживается большинство воспитанниц «Мельницы», даже взрослых. – Марит, – медленно и непреклонно выговаривает она, – ты можешь предложить Еве что-нибудь лучше?

Я делаю резкий вдох. Несс находит бумаги Евы, встает и выпроваживает меня из кабинета.

Ева и Хелена появляются из комнаты, где беседовали наедине, и лицо Евы выражает нечто среднее между торжеством и ужасом. Когда госпожа Вестергард слегка кивает Несс, я вижу на шее у Евы блестящий стеклянный медальон.

«Нет!»

Молот и кирка. Герб Вестергардов. Другая сторона монеты, снова перевернувшая мою жизнь.

Несс хлопает в ладоши и восклицает:

– А теперь – праздничная трапеза!

Ева ищет меня взглядом, и они вместе с Хеленой направляются ко мне. По глазам Евы я вижу: она понимает, что это прощание, болезненный разрыв в нашей жизни, и свежие сколы остры, словно грани льда. Я сглатываю, изо всех сил пытаюсь не заплакать, и вместо этого устремляю взгляд на плащ Хелены, который струится за ее спиной, а вышитые золотом завитки виноградных лоз и розовые цветы тянутся по полу. Во мне растет глухой звериный крик.

«Не будь эгоисткой, – умоляет что-то внутри меня. – Не будь такой, как Агнес». Но я в таком отчаянии, что мне все равно. Почему Вестергарды снова и снова отнимают у меня тех, кого я люблю?

В этот момент кайма великолепного плаща Хелены задевает торчащий кусок ржавой трубы рядом с нижней ступенькой, и мне приходит в голову неожиданная, блестящая, ужасная идея.

Я делаю шаг вперед и всем весом наступаю на плащ. Ткань цепляется за трубу и мгновенно рвется с жутким звуком.

– Ох! – восклицает Хелена, оборачиваясь.

Я скрываюсь в тени.

– О небеса! – ахает Несс. Она опускается на колени перед порванным плащом и заламывает морщинистые руки. – Должно быть, он зацепился за эту трубу, видите? Какое несчастье! – она бросает на меня пронзительный взгляд. – Мне невероятно жаль, Хелена. Нужно было давным-давно заставить кого-нибудь починить эту трубу.

Я смотрю на потрясенное лицо Евы, чей краткий миг счастья оказался разорван, словно этот плащ, и подхожу, чтобы встать рядом с ней. Мои разрозненные чувства сменяют друг друга, точно в калейдоскопе. Горечь, страх, отчаяние.

– Прошу прощения, – обращаюсь я к госпоже Вестергард и делаю почтительный реверанс, – но я работаю портнихой и обучена этому ремеслу. Вы позволите починить ваш плащ?

– Да, Марит может помочь! – поспешно подтверждает Ева, как будто это несчастье с плащом способно заставить Хелену неожиданно передумать. – Она шьет лучше всех. Это она сшила мне костюм для танца. – Локон, который я подколола не так давно, выскользнул из ее прически и теперь касается правой щеки, усыпанной темными веснушками.

– Я не уверена... – Хелена смотрит на меня. – Это крайне сложная работа. Думаю, плащ непоправимо испорчен.

– Тогда вы не будете против, если я попытаюсь? – спрашиваю я, храбро протягивая руку.

Хелена переглядывается с Несс, и та чуть заметно кивает.

– Хорошо, – с некоторым колебанием отвечает Хелена. – Благодарю. Сделай все, что можешь, и скажи мне, сколько это будет стоить, – она скидывает плащ,

открывая платье из кремового узорчатого жаконэ[З - Жаконэ – легкая хлопчатобумажная ткань типа батиста или муслина.] с накрахмаленным пластроном и юбкой, которая многочисленными ярусами струится вниз от тонкой талии, словно вода, бегущая из фонтана. – Сегодня на ночь мы остановимся в гостинице «Виндмелле Кро», – говорит Хелена, протягивая плащ. На секунду ее взгляд задерживается на мне, словно бросая вызов: – Утром мы отбываем.

– Я принесу его туда, – обещаю я уверенно, принимая из ее рук плащ.

То, что я сделала сегодня, может стоить мне работы, места у Торсена и доброго отношения Несс, но, по крайней мере, у меня появился шанс еще раз увидеть Еву. Я смотрю ей в глаза и говорю:

– Я приду в «Кро».

А потом прижимаю плащ к себе, чувствуя, как сжимается сердце – сильнее, чем мои кулаки, – и бегу прочь.

* * *

Торсен вернулся в мастерскую раньше меня.

Едва завернув за угол, я вижу в окне его красное, точно сырое мясо, лицо – он кричит на Агнес и указывает на мой пустой рабочий стол. Выругавшись, я пригибаюсь и ныряю в переулок, прижимая плащ к груди. Можно было бы солгать и сказать, что меня срочно вызвали забрать в починку плащ госпожи Вестергард. Но я неожиданно чувствую себя слишком усталой и опустошенной, чтобы встретиться лицом к лицу с Торсеном или Агнес. Поэтому, развернувшись на пятках, окидываю взглядом полутемный переулок и присаживаюсь на самую чистую приступку, какую могу найти, всей кожей ощущая холод камня. В лучшем случае, Торсен лишит меня жалованья за несколько недель, и это уже достаточно плохо, потому что мне нечем будет возместить стоимость ткани, пошедшей на наряд Евы. В худшем случае – уволит совсем, не заплатив мне ни единого ригсдалера. И я сомневаюсь, что после сегодняшней брани в кабинете Несс она захочет пустить меня переночевать.

Но не все сразу. Сидя одна в узком переулке, окидываю взглядом ряд окон над головой: ставни закрыты, занавески по большей части задернуты. В вышине лениво вращаются крылья мельницы. Я никогда не позволяла себе так много магии. Так много и так часто. И никогда там, где могут оказаться люди.

Делаю глубокий вдох и разглаживаю плащ Хелены Вестергард, изучая мешанину разрывов и перепутанных ниток. Потом провожу кончиками пальцев по каждой дыре и представляю, как вышивка выглядела прежде: все эти лепестки розового цвета в обрамлении золотых лоз с тонкими усиками. Магия растет у меня внутри и искрящимся потоком бежит по жилам. Несмотря на страх перед Фирном, я вздрагиваю от приятного холодка, позволяю магии течь сквозь меня и осторожно провожу пальцам по разлохмаченным краям разрыва. Под моими прикосновениями нити находят одна другую и соединяются заново.

Я думаю о том, что сказал бы мой отец. Когда он был жив, то запрещал мне использовать магию. Он боялся ее и был прав. Я рада, что отец не дожил до того, как магия убила Ингрид.

Несколько веков назад, при другом короле, нас бы сожгли на костре даже за намек на обладание магией. Теперь люди более или менее понимают, что самую большую опасность мы представляем сами для себя. Они отводят глаза и обычно притворяются, будто нас не существует, потому что часто подпольная магия оказывается полезна, несмотря на неприятное побочное воздействие. А именно тот факт, что в конечном итоге она убивает нас. Но даже в шесть лет я понимала: ничего хорошего не следует ждать от того, кто хочет взять к себе сироту ради магии. В дешевых книжках я читала истории, заставлявшие меня невольно ежиться: о том, как людей похищали и заставляли использовать магию, пока кристаллы Фирна не заполняли кровь, убивая их. Иногда в «Мельнице» девочки по ночам рассказывали друг другу страшные истории, и мне было горько слушать то, что нашептывали эти детские голоса в ночи. Они утверждали, будто у нас, владеющих магией, синие кости и ненасытный аппетит, будто, умирая, мы завидуем живым. Они называли нас друзьями – «ходящими после смерти», – потому что Фирн иногда заставляет тела принимать неестественные, искаженные позы. Некоторые, например, оставались сидеть после того, как кровь в их жилах превращалась в лед, как будто намеревались когда-нибудь встать и снова пойти. Взрослые успокаивали детей, утверждая, будто это просто глупые легенды и сказки. Но старые страхи и обычаи умирают с трудом. Может быть, нас больше и не сжигают при жизни на кострах, однако сжигают после смерти, неизменно удостоверившись, что от нас остался лишь прах.

Неожиданно я вижу стоящую прямо передо мной Ингрид – призрак памяти давних лет.

– Мне кажется... – шепчет она и, ошеломленно моргая, смотрит на свои запястья. – Мне кажется, я зашла слишком далеко.

Я скриплю зубами, ощущая, как резкий страх перед Фирном заставляет меня крепче сжимать челюсти. Сейчас мне не следует вспоминать о том, что было.

Вместо этого я рассматриваю плащ госпожи Вестергард и даже позволяю себе слегка улыбнуться собственной работе. Разрыв исчез, как будто его никогда и не было, как будто нити точно знали, где им изначально положено проходить. У меня нет денег на то, чтобы согреться чашкой кофе в кафе, и я уж точно не могу вернуться в свою каморку в мастерской Торсена, поэтому набрасываю плащ Хелены Вестергард на плечи и погружаюсь в его мягкое тепло. На ткани задержался слабый запах ее духов, который напоминает о весне и белых бумажных цветах.

Быть может, я смогу найти собственный способ попасть в Копенгаген.

Перед глазами по-прежнему стоит образ маленькой Евы: она моргает, глядя на меня огромными темными глазами, и протягивает Вуббинса. И строго говорит, что нужно зашить только разорванную часть, а остальное не трогать, потому что он нравится ей такой, как есть: уродливый и идеальный. В тот день она начала прокладывать путь в мое запертое сердце, несмотря на то что я никогда этого не желала, ибо боялась, что этот день когда-нибудь наступит. И я не хочу знать, что случится завтра, когда все эти стежки, невольно соединившие нас, неожиданно окажутся разорваны.

Ночь заливают небо чернотой. Я иду мимо булочной Матиеса с рваным навесом в красно-золотую полоску, который с каждым снегопадом провисает все сильнее. В Рождество Матиес всегда давал каждой из сирот медовое печенье в форме сердечка, смазанное растопленным шоколадом. Я съедала свое в мгновение ока, но Ева заворачивала печенье в бумагу и прятала под кроватью, каждый день отгрызая по крошечному кусочку, чтобы дотянуть до Нового года. Я останавливаюсь перед витриной, улавливая плывущий из булочной запах хлеба. Интересно, каким бы стал мир, если бы я могла идти по нему и исправлять все одним прикосновением пальца? Каждый разрыв, каждую дыру, зияющую на

штанах, каждый старый унылый навес. Как много хорошего я могла бы сделать, если бы угроза страшной расплаты не нависала надо мной?

Интересно, существует ли кто-то, подобный мне, но способный заделывать разрывы и трещины в людях?

Почти незаметная в сумерках, воодушевленная магией, которая все еще гудит в моих жилах, я стою в нерешительности. Потом резко протягиваю руку и провожу пальцами по дыре в навесе над витриной булочной.

Может быть, завтра, если мой план потерпит крах и Ева уедет навсегда, я вернусь обратно и увижу тот момент, когда Маттес обнаружит, что его навес стал целым.

Он все еще срастается, когда я крепче прижимаю к себе плащ Хелены и бегу прочь.

Гостиница «Виндмелле Кро» стоит на окраине города, стены выкрашены в белый и оливковый цвета, а крыша покрыта соломой. Из трубы второго домика в небо вырываются клубы дыма, густые и белые, как взбитые сливки. В воздухе пахнет грушами с корицей и горящими листьями.

Я коротко стучу в дверь.

– Кто там? – спрашивает голос изнутри домика.

– Это Марит Ольсен, – откашлявшись, отвечаю я. – Я принесла ваш плащ.

Как только Хелена Вестергард открывает дверь, я протягиваю ей плащ. За ее спиной я вижу Еву: на ней уже новое алое платье с розовыми атласными лентами и черные ботинки, блестящие, точно масло. У ее ног стоит открытый новенький сундук, и я замечаю, как сверкает внутри него золотистый бисер танцевального наряда.

Я отвожу взгляд, чувствуя постыдный укол зависти и гадая, каково это наконец-то быть выбранной спустя столько лет бесплодных желаний?

Хелена берет у меня плащ и осматривает его. Лицо ее ничего не выражает.

– Ты работаешь в портновской мастерской? – спрашивает она наконец. Я киваю, и она жестом приглашает меня войти в комнату, где над головой виднеются открытые потолочные балки, а две постели с соломенными матрасами застелены стегаными одеялами.

– Марит хорошо справилась, правда? – спрашивает Ева. В очаге потрескивает огонь, и на шее у нее блестит медальон с молотом и киркой. Ее взгляд мечется между мной и Хеленой: между прошлым и будущим. Я отчаянно стараюсь запомнить темные веснушки, родинку чуть ниже уха, то, как ее волосы ложатся мягкими завитками вдоль висков...

– Да, Ева, – отвечает Хелена и проводит пальцами по завиткам вышивки. – Великолепная работа.

Я впервые заставляю себя взглянуть на нее по-настоящему, пока она развязывает маленький кошелек, вышитый цветами. У нее ярко-карие глаза цвета темного меда, умный взгляд, густые ресницы, высокие скулы, а запястья тонкие и нежные, словно яичная скорлупа. Я опускаю взгляд на собственные ногти: короткие, зазубренные, обкусанные для удобства.

– Сколько ты хочешь за свой труд? – спрашивает Хелена.

– На самом деле, я хотела бы попросить в уплату кое-что другое.

Хелена выгибает четко очерченные брови и с интересом смотрит на меня. Ева все еще стоит позади нас, явно прислушиваясь.

– Чтобы вы порекомендовали меня какому-нибудь портному в Копенгагене, – продолжаю я. – На основании проделанной для вас работы.

Я смотрю на нее, покусывая нижнюю губу. Просьба об услуге от одной сироты из «Мельницы» к другой.

Конечно же, рекомендация Хелены многого стоит в Копенгагене. Конечно же, у нее есть знакомый портной, который с радостью пожелает ей угодить. И у меня

по-прежнему будет шанс иногда видеться с Евой, когда они будут приезжать в мастерскую. Это моя последняя и самая сильная надежда.

– Это ведь ты сшила Еве платье для танца? – интересуется Хелена, изучая меня. – Тебе часто приходится шить такие?

– Иногда, – лгу я.

Хелена перебирает толстую пачку ригсдалеров.

– Это интересная просьба, – задумчиво тянет она. – Но я хочу сделать тебе встречное предложение. Я ищу талантливую и умелую портниху, чтобы она шила одежду мне. А теперь еще и Еве.

Горящие дрова в очаге издают громкий треск.

– Быть может, ты захочешь поехать и работать у меня? – спрашивает Хелена. Воздух в комнате мгновенно становится густым. – Я вижу, что твоя работа над моим плащом... исключительно хороша. Как по скорости, так и по качеству, – продолжает она, глядя на плащ. – Я буду хорошо платить тебе, предоставлю кров и стол. Однако настаиваю на том, чтобы твоя работа и впредь соответствовала столь же высоким меркам.

Ее глаза, обращенные на меня, многозначительно сверкают, и по моей спине пробегает дрожь.

Она знает. Знает о магии.

– Конечно, она так и сделает! – восклицает Ева, вскакивая на ноги и делая шаг ко мне. – Марит, ты можешь поехать с нами.

Мое сердце учащенно бьется. Я могу поехать с ними. Могу быть с Евой. Это все, чего я когда-либо желала. Но это значит заключить сделку с тем самым семейством, которое отняло у меня отца, и делать то единственное, что он запрещал мне делать.

– Ты должна решать быстро, – говорит Хелена. – Мы отбываем на рассвете.

Я могу лишь кивнуть, и Хелена протягивает мне несколько банкнот. Больше, чем я зарабатываю за месяц у Торсена.

– Это за твою сегодняшнюю работу.

Ева подбегает и обнимает меня.

– Госпожа Вестергард привела меня в магазин и позволила выбрать все, что я захочу, – шепчет она и сует мне что-то в руку. Это серебряный наперсток с плетением из крошечных узелков, тянущихся вдоль края. – Я выбрала это для тебя, чтобы ты меня не забыла. Но теперь, Марит... – Она в восторге умолкает. – Мы можем быть вместе!

Мои пальцы сжимаются вокруг чеканной каймы из узелков, навеки застывших в серебре. Первый подарок от ее новой семьи, и она отдает его мне. Я касаюсь губами лба Евы и чувствую, как меня наполняет трепет страха, словно взмах крыльев, окаймленных железом. Затем прячу наперсток в карман и бегом преодолеваю весь путь обратно до мастерской Торсена.

Я распахиваю дверь и пробегаю мимо хозяина, вверх по лестнице, пока сам Торсен и Агнес топают вслед за мной.

– Где ты была? – рычит у меня за спиной Торсен.

– Я ухожу, – отвечаю я, поспешно засовывая свою одежду и мелкие принадлежности в потрепанную дорожную суму.

Торсен продолжает орать, его лицо багровеет все сильнее, а Агнес, прислонившись к стене со скрещенными на груди руками, смотрит на меня, кривя губы. Приподняв одну из досок в полу, я достаю единственные вещи, которые сохранились у меня на память о прошлой жизни: сборник сказок Ганса Кристиана Андерсена, которые когда-то читал мне отец, и последнее написанное им письмо. Потом я сбегая вниз по лестнице, достаю из кармана половину денег, которые дала мне Хелена, и бросаю их на свой рабочий стол. Этого достаточно, чтобы возместить стоимость ткани и бисера, которые я позаимствовала, и еще немного сверху за то, что покидаю мастерскую Торсена без предупреждения.

– Прощайте! – кричу я и в последний раз закрываю за собой дверь мастерской, чувствуя внутри безрассудное кипение восторга и ужаса.

Я бегу к «Кро». К теплу очага. К Еве. Несомненно, использование магии для Вестергардов может дорого мне обойтись. Эта работа может стоить мне жизни. Но если я останусь... какая жизнь меня ждет?

Я стучу в дверь домика.

– Я согласна, – тяжело дыша, выговариваю я, когда Хелена приоткрывает скрипучую дверь. Глядя мимо госпожи Вестергард, я обращаюсь прямо к Еве: – Я еду с вами.

Хелена делает шаг в сторону, впуская меня, и Ева срывается с места, чтобы снова, как сотни раз до этого, обвить меня худенькими руками.

– Мы отбываем на рассвете, – напоминает Хелена, с решительным щелчком запирая за мной дверь.

И вот так, в один момент, две половины нашей монеты соединяются.

Как будто так было суждено.

Глава пятая

Филипп Вестергард.

1849 год.

Факсе, Дания

Кровь на моем рукаве.

Пятно, будто кто-то обмакнул кончик кисти в ржавчину и мазнул ею по рукаву у самого запястья. Набираю в легкие прохладный воздух и пытаюсь стереть пятно, но пальцы у меня грязные, и оно не сходит. Меня и так сегодня одолевает сильное волнение из-за того, что придется просить работу, а ведь это было до того, как я обнаружил на своей одежде кровь матери.

Над головой у меня раскачивается и скрипит деревянная вывеска. Как только грохочущая повозка с расшатанным колесом проезжает мимо, я протягиваю руку и стучу в дверь, после чего аккуратно прячу за спину испачканный рукав.

С тех пор как прошлой осенью мои отец и брат отправились на войну, распевая песню «Отважный пехотинец», я постоянно твердил себе, что должен это сделать. Если случится самое худшее и в нашу дверь постучится человек в черном, неся новости с войны, я надену свою лучшую рубашку и пойду на ткацкую фабрику, расположенную на окраине города. Может, по закону мне и положено ходить в школу, но какой смысл набивать голову знаниями, если в желудке пусто? Перед глазами возникает образ матери: как дрожали ее худые плечи сегодня утром, пока она почти целый час вытирала одну и ту же тарелку, – и я тут же выпрямляюсь во весь рост, приказывая своему голосу не дрожать.

Дверь распахивается, и на пороге появляется человек в старых, треснувших очках и мятом фартуке, испачканном сажей. Он взирает на меня сверху вниз с выжидательно-раздраженным выражением лица:

– Да?

Переступая с ноги на ногу и чувствуя, как жмут башмаки, я объясняю:

– Я хотел бы поговорить о работе.

Мой голос лишь слегка подрагивает. Я сглатываю. Поток горячего воздуха, который струится наружу, навстречу резкому холоду, говорит о том, что здесь тепло. Ходит много историй о людях, которые погибали или страшно калечились на фабрике. Но неожиданно мне хочется – сильнее всего на свете – оказаться внутри, подальше от пронизывающего холода, возле станков, которые гудят так громко, что почти заглушают мои мысли.

- Входи, - приглашает человек.

Он ведет меня по узкому коридору к двери с надписью «Управляющий» и стучится в нее. Я снимаю шапку, и неожиданно у меня начинается течь из носа. Станки теперь гудят ближе и громче.

- Мальчик хочет поговорить с вами, - произносит испачканный сажей рабочий и подталкивает меня ближе к заваленному образцами ткани столу, за которым сидит мужчина и курит сигару, изучая какие-то бумаги. В кабинете темно, так как окно только одно, и довольно маленькое, а на стене за спиной управляющего висит датский флаг.

- Я хотел бы узнать, - откашливаюсь я, - нельзя ли получить у вас работу на раскройном станке.

- Нет, - отвечает управляющий, даже не поднимая головы. - Мне больше не требуются работники твоего возраста. Сколько тебе, четырнадцать?

Двенадцать.

- Пожалуйста, - мой голос срывается, а взгляд устремляется к макушке управляющего, волосы на которой редеют, словно нитки в истрепанной ткани.

- Разве ты, парень, не из Вестергардов? - спрашивает он, подняв наконец голову, и макает ручку в чернильницу. - Неужели отец не может дать тебе работу в своих шахтах?

Я прикусываю губу. С самого начала войны наши шахты понемногу приходят в упадок. Потому что сейчас никому не нужен известняк для строительства или мел для побелки. Всем нужен металл для ружей и пушек.

- Отец погиб вчера, - выдавливаю я. - На войне.

Теперь, когда эти слова произнесены вслух, они стали правдой.

- Мне жаль, - неискренне отвечает управляющий, затем кивает на датский флаг, а потом мне: - Гордись тем, что он хорошо служил Дании. - Он указывает в

сторону двери. – Вестергард, а? Я дам тебе знать, если местечко освободится.

Несколько секунд я колеблюсь, комкая в руках шапку. Когда сегодня утром посыльный доставил запечатанное письмо, мать так безутешно рыдала, что у нее пошла носом кровь. В течение одной кошмарной минуты я не знал, кто убит: мой отец или старший брат. Не знал, чье имя сильнее всего не хочу прочесть в этом письме. Я протянул матери носовой платок, и, когда она брала его у меня, ее кровь попала мне на рукав. И сейчас, пока встаю и выхожу под серый дождь, я вижу ее краем глаза.

«Не плачь», – свирепо говорю себе. Мужчины не плачут. А я теперь мужчина. Но если война затянется, если Алекс тоже погибнет, мы вполне можем умереть от голода. Я прислоняюсь к холодной каменной стене фабричного здания и делаю судорожный вдох.

– Эй! Филипп! – Мой друг Теннес выныривает из пекарни через дорогу и рысцой несется ко мне, придерживая шапку на своих соломенных кудрях. Подбежав ко мне, он утешающе кладет руку мне на плечо: – Я слыхал про твоего отца. – Сует мне маленькую булочку и говорит: – Мне жаль.

Его отец тоже на войне. Они все делали вид, будто это что-то ужасно важное и благородное. Отец был так горд тем, что идет сражаться ради того, чтобы Данию перестали «дробить», как он это называл. «Дания уменьшается в течение тысячи лет», – вещал он громким голосом. Сейчас, при воспоминании о нем, на землю под ногами падают несколько моих слезинок. «Южные княжества Шлезвиг и Гольштейн нельзя уступать Пруссии. – Он усаживал меня к себе на колени и обводил пальцем вены на моем запястье. – Эти торговые пути, соединяющие нас с Россией, словно кровеносные сосуды. Они жизненно важны». Так же, как и шахты, которые когда-то были полны работников, добывавших известняк, а теперь стоят пустые и темные. Когда-то в них была жизнь – и во мне тоже, – но теперь она исчезла, и осталась лишь зияющая, ничем не заполнимая пустота. Я подавляю всхлип. Меня больше не волнуют княжества и благородная борьба. Мне хочется, чтобы у меня снова был отец, чтобы Алекс вернулся домой, купил еду для матери и спас наши шахты. А вместо этого есть лишь двенадцатилетний я, который может только подать носовой платок, чтобы утереть кровь и слезы.

– Эй, ты это видишь? – Теннес резко оборачивается в сторону переулочка на другой стороне улицы. Там сидит на корточках маленький мальчик, окутанный тенями,

словно вуалью. Он щелкает пальцами, и между ними появляется крошечный язычок пламени, а потом исчезает.

Магия.

– Ты знаешь, что это их убивает? – задумчиво спрашивает Теннес, глядя, как мальчик заставляет огонь то появляться, то исчезать, отчего тени танцуют вокруг.

Глаза Теннеса блестят от мрачного восхищения. Я рос, учась бояться использования магии, учась тому, что она появилась в результате какого-то ужасного события, когда что-то в изначальном мире пошло не так. Но понимаю, почему этот мальчик сидит там и зажигает огонь щелчком пальцев. Потому что магия – это власть. Способность подчинять. Способность делать что-то из ничего. Неожиданно у меня возникает отчетливое ощущение того, что магия может спасти меня, шахты и, возможно, всю Данию. Я смотрю на крошечное пламя с жадностью, которая из голода, терзающего мой желудок, разрастается в нечто большее.

По пути домой я щелкаю пальцами в холодном воздухе, гадая, можно ли вызвать магию к жизни усилием воли. И позже, уложив маму спать, высматриваю хотя бы намек на искру у себя в комнате, где с наступлением ночи становится темно и холодно. Снимаю запятнанную кровью рубашку, изо всех сил желая возникновения магии, и щелкаю пальцами, пока они не начинают болеть. Я слышу, как мама снова тихо плачет у себя в комнате... но крошечная вспышка магии так и не появляется.

Глава шестая

Марит.

8 ноября 1866 года.

Карлслунде, Дания

Мне снится, что я заперта в тесном деревянном ларе. Я чувствую запах свежей сосны. Чувствую изгиб ложки, зажатой у меня в руке.

Ненавижу этот сон.

Услышав щелчок замка, я выкарабкиваюсь из ларя, так же, как всегда. Затекие ноги горят, точно в огне.

– Марит, – говорит моя сестра, и глаза ее темны от страха. – Мне кажется... – в отчаянии шепчет она, пока Фирн сплетает льдисто-голубое кружево под кожей ее запястий – жуткая, завораживающая красота. – Мне кажется, я зашла слишком далеко.

Я резко просыпаюсь.

Свернувшись и закутавшись в стеганое одеяло, я лежу на полу между очагом и кроватью Евы, где она негромко посапывает. Мне хорошо знаком этот ритм сонного дыхания. На ее лице танцуют отблески огня и тени.

Мы вместе покидаем Карлслунде на рассвете.

Изящную черную карету Вестергардов тянут две лошади фредериксборгской породы с густыми чистыми гривами. По пути из города мы минуем мастерскую Торсена и «Мельницу». В окнах темно, все свечи погашены, и я втайне радуюсь тому, что наш путь не пролегает мимо моего прежнего дома. Старого дома с соломенной крышей, стоящего на окраине города; дома, где когда-то жили папа, мама и Ингрид, наполняя его светом, словно огонь, танцующий в лампе.

– Я боялась, что проснусь, и все это окажется сном, – шепчет мне Ева. Она незаметно смещает ноги, чтобы мои ступни ощутили тепло от жаровни, стоящей на полу, а потом приподнимает плечо так, чтобы я почувствовала запах ее нового плаща. – Знаешь, многим нравится, как пахнут цветы, – все так же шепотом сообщает она мне, легонько подталкивая меня локтем, когда я делаю вдох. – Но для меня запах новой, еще не обмятой шерсти всегда был приятнее, чем аромат роз.

Волосы Хелены собраны на затылке в изящный узел, а подол ее починенного вчера плаща растекся лужицей около наших ног.

– Я подумала, что нам следует использовать эту поездку до дома, чтобы получше узнать друг друга, – обращается она к Еве, не сводя с нее пристального взгляда. – С чего бы начать? – Хелена откручивает крышку серебряной фляжки, и карету наполняет густой запах черного кофе. – Какую еду ты любишь больше всего?

– Сливы, – без промедления отвечает Ева. Вероятно, здесь есть некая связь с крансекаке – тортом-башней из плетеных марципановых колец в глазури. Иногда его украшают ягодами и фруктами. В «Мельнице» мы ели сливы всего два раза. В последний раз, откусив кусочек сливы, Ева заявила, что люди должны дарить их вместо цветов, чтобы выразить свою любовь.

Вид у Хелены довольный, пока она роется в плетеной корзинке и в конце концов достает и протягивает Еве спелую фиолетово-черную сливу. Это вызывает у меня неподдельное изумление. Спелая слива в ноябре. Ева откусывает кусочек, обнажая мякоть цвета ириски, отчего сок течет по ее подбородку.

Я слушаю, как Ева рассказывает о себе какие-то мелочи: она любит бодрствовать допоздна, ей нравится еда с кисловатым вкусом, у нее есть шрам на коленке: когда-то давно она гналась за бабочкой и налетела на садовую решетку. «Она нетерпелива, когда-то шепелявила, она не может грамотно писать даже ради спасения своей жизни», – могла бы добавить я. Но все это – лишь слабая тень настоящей Евы: верной, яростной и веселой. Как-то раз она толкнула девочку вдвое выше себя, заставив ее споткнуться о бревно и упасть. И все из-за того, что та сказала, будто у меня волосы цвета гнилого сена.

– У тебя была какая-нибудь любимая история в детстве? – спрашивает Хелена. Ева вытирает сок с губ и изо всех сил пытается избежать моего взгляда, пока я кашляю, стараясь скрыть смех. «Невероятные истории о тебе, Хелена Вестергард», – думаю я.

Ева замечает потертый корешок «Сказок» Ганса Кристиана Андерсена, выглядывающий из моей котомки.

– «Соловей...» – неуверенно произносит она. Этой сказки нет в том сборнике, который отец читал нам с Ингрид, когда мы были маленькими. Тот том был продан вместе с домом после смерти отца и сестры, чтобы уплатить их долги, но на первое свое жалованье у Торсена я купила точно такой же. Потому что он напоминал мне об отце. И потому, что об этой книге говорилось в его последнем письме, лежащем сейчас у меня в кармане.

Почти не думая, я касаюсь едва заметных стежков, тянущихся по подолу моей нижней юбки: «Клаус Ольсен, р. 28 июля 1825 г. в Карлслунде». Несколько лет назад я начала вышивать на подворотах своей одежды имена моих родных, где они родились, где умерли. Так было легче: знать, что проснувшись однажды, я не забуду все это, что оно не ускользнет подобно туману, ведь теперь о них помню только я и больше никто.

Запись о моем отце заканчивалась так: «ум. 26 мая 1856 года в шахте «Известняковый Лабиринт».

«Известняковый Лабиринт».

Шахта Вестергардов.

Как все могло измениться так сильно с моей последней поездки в Копенгаген? Одиннадцать лет назад мы приезжали сюда вместе с отцом. Тогда я еще была чьей-то дочерью, чьей-то сестрой. На троне сидел другой король. Южные княжества Шлезвиг и Гольштейн еще принадлежали Дании – до того, как Пруссия отняла их. Война и смерть разделили прошлое и настоящее подобно удару топора: война уменьшила территорию Дании, а холера проредила население. В течение нескольких лет единственное, что увеличивалось в Дании, – это число кладбищ и сиротских приютов.

«Но, возможно, этот отлив наконец-то сменяется приливом», – думаю я, глядя, как Ева вытирает рот платком с вензелем Вестергардов, а Хелена говорит ей, чтобы она оставила платок у себя. Теперь трон занимает другой правитель, король Кристиан IX. А мастерская Торсена наконец стала продавать больше белого кружева, чем черного.

За оконным стеклом сельская местность сменяется длинными серо-голубыми полосами каналов. Сначала я замечаю шпиль Копенгагенской биржи: четыре

сплетенных воедино драконьих хвоста устремлены прямо в небо. Деревянные корабли и ярко окрашенные здания отражаются в воде. Женщины в длинных многоярусных юбках и мужчины в черных сюртуках прогуливаются по тротуарам, вдоль которых высажены деревья. Здесь так много красок, у каждого наряда свой оттенок, это целая соната кринолинов и кружев, слоистых оборок, выглядывающих из-под плотных бархатных плащей. Город буквально вибрирует от перестука подошв и конских подков, звона колоколов, в воздухе висит запах морской соли и мочи, свежего хлеба и копоти. Копенгаген выглядит почти как прежде, но не совсем. Точно так же я сейчас улавливаю в выросшей Еве отблеск прежней малышки, хотя ее черты меняются с каждым годом. Мое сердце сжимается, когда мы проезжаем мимо площади, где Ингрид однажды бросила монетку в бронзовый фонтан Милосердия.

Я гадаю, как она выглядела бы сейчас.

– Круглая башня, – объясняет Хелена Еве, указывая на величественное строение, мимо которого проезжает наша карета. – Внутри у нее не лестница, а широкий винтовой подъем.

Когда-то мой отец стоял вон там, у подножия башни. «Больше ста лет назад, – сказал он, подкручивая усы, – русский царь Петр Великий въехал на самый верх башни на коне, а его жена Екатерина ехала следом в карете».

«Это выдумка или нет?» – спросила я, повернувшись к Ингрид. Ей тогда было двенадцать, а мне всего пять. Она радостно хлопнула в ладоши, обтянутые перчатками. «Это правда!» – объявила она.

Потому что такова была магия Ингрид. Я умела соединять заново разорванное, а она всегда могла почувствовать, лгут люди или нет.

«Прекрати тратить магию на такие мелочи! – негромко, но резко приказал ей отец. – Марит, в следующий раз просто спроси меня. Разве я когда-нибудь лгал тебе?»

«Я не просила ее использовать магию. Тем более что она уже применила ее», – упрямо возразила я, надув губы. Ингрид делала один жест каждый раз, когда выпускала свою магию. Она крепко сжимала руки по бокам в кулаки, обхватывая большие пальцы так, что кисти ее рук становились похожи на гребенчатые

раковины моллюсков. Казалось, она изо всех сил старается сосредоточиться.

«Зачем ты это делаешь? – спросил у нее в тот день отец. – Зачем ты так испытываешь судьбу?»

«А разве ты беспокоишься всякий раз, когда садишься в повозку или на лошадь? – выпалила она в ответ. Краснота собиралась у основания ее шеи, словно грозовые тучи. – Или когда отправляешься на работу в шахту? Ведь каждый раз ты рискуешь погибнуть. Но это дает тебе некую выгоду или удобство, и потому ты считаешь, будто риск того стоит».

«Это другое дело», – возразил отец, хлопнув ладонью по железным перилам.

Но в итоге это оказалось одним и тем же. Для них обоих.

* * *

В тот день, много лет назад, мы приехали в Копенгаген, чтобы посетить Национальный банк.

Сейчас мне больно видеть это здание в сверкающей бахrome сосуллек, острых, как ножи. Мой отец и Ингрид стояли вон там, споря из-за магии, а потом мы прошли вслед за ним в высокие двери банка, чтобы открыть для нас на будущее сберегательные счета. Это были скромные сбережения, предназначенные для того, чтобы помочь нам в том случае, если с отцом что-нибудь случится в шахте.

Я украдкой бросаю взгляд на Хелену, которая достает из корзины пакеты, завернутые в бурую бумагу, и раскладывает их, точно создавая произведение искусства. С отцом в шахте действительно что-то случилось, после чего нам принесли письмо, которое было найдено на его трупe. И сейчас оно прожигает мой карман. Конверт передали нам вместе с другими его личными вещами. Лишь несколько лет спустя до меня дошло: странно, что он решил написать это письмо, если надеялся все-таки вернуться домой, к нам. Я была слишком сосредоточена на том, что это его последнее послание, непонятное, беспорядочное. И на том, что оно было адресовано только моей сестре.

«Для Ингрид, – писал отец своим неровным почерком. – Я закрыл ваши счета. Мне нужны были эти деньги. Прости. Будь Гердой».

Герда, отважная и добрая героиня сказки «Снежная королева». Отец читал нам эту сказку каждый вечер. С того времени я решила тоже быть Гердой, пусть даже письмо было адресовано только Ингрид. Поэтому я читала и перечитывала сборник сказок, пока не запомнила все почти наизусть. Герда, которая пошла на Север во дворец Снежной королевы, чтобы спасти своего лучшего друга и излечить его от осколка льда в сердце.

Я перевожу взгляд на Еву, которая силится получше разглядеть Амалиенбург, четыре одинаковых здания королевского дворца, расставленных, словно огромные детские кубики, по периметру восьмиугольной площади. Что, если два отцовских приказа – «не используй магию» и «будь Гердой» – прямо противоречили друг другу? Какому из них мне надлежит следовать?

– Помню, Несс довольно скупно выдавала масло, – говорит Хелена, разворачивая пакеты, в которых обнаруживаются бутерброды с маринованной сельдью. Они прослоены луком-шалот и ярко-пурпурными ломтиками свеклы, украшены каперсами, хрустящими кусочками огурцов и веточками укропа. – Изменилось ли это с тех пор, как я жила в «Мельнице»?

– Нет, – с сочувствием отвечает Ева.

– Тогда намажем толщиной в палец, – говорит Хелена, кладя кусок мягкого сливочного масла на ломоть ржаного хлеба. В желудке у меня урчит, ведь я ничего не ела со вчерашнего дня, но затем чувствую укол изумления, когда Хелена мажет последний бутерброд так же щедро, как и те, которые сделала для себя и Евы, и протягивает его мне.

– Вы слышали, что наша принцесса Дагмар на этой неделе выходит замуж за царского наследника в Санкт-Петербурге? – спрашивает Хелена, кивая на ярко-красные датские флаги, окаймляющие улицы. Между ними время от времени мелькают трехцветные флаги Российской империи. – В июне половина Копенгагена пришла, чтобы проводить ее корабль. В том числе и твой любимый Ганс Кристиан Андерсен, – обращается она к Еве и деликатно откусывает от бутерброда. – Может быть, когда-нибудь ты с ним встретишься.

Ева смотрит на меня ошеломленно и озадаченно, как будто до сих пор боится, что все это происходит во сне. Она наслаждается своим бутербродом, откусывая крошечные кусочки в течение почти всей сорокапятиминутной поездки от Копенгагена до Херсхольма, и засыпает, все еще сжимая остаток в руке. Я съедаю свою порцию в пять жадных укусов, а потом сижу в неловком молчании; карета въезжает в густой черно-зеленый лес, и пространство между мной и Хеленой заполняется тенями.

Я начинаю гадать, доедем ли мы когда-нибудь, но тут карета неожиданно вырывается на яркое солнце, миновав лес, и сворачивает на длинную аллею.

Впереди возвышается ослепительно-белый особняк, огромный и величественный, со сливочного цвета фронтонами, которые возносятся вверх изогнутыми ярусами, словно слои свадебного торта. Я подталкиваю Еву локтем, чтобы разбудить. На снегу перед домом виднеются следы каких-то животных. Алые ягоды висят на ветках кустарника, а лед, в который они заключены, тает на солнце.

Ева садится прямо и ахает, выглянув в окно. По бокам от главного здания тянутся два просторных флигеля с шиферными крышами и острыми металлическими словно иглы шпилями, пронзающими перламутрово-серое небо. Многочисленные широкие окна сверкают чистыми стеклами, а огромный балкон нависает над берегом замерзшего пруда.

– Это словно сказочный замок, – шепчет Ева, – который скрыт посреди собственного леса.

Кто-то в ярко-красном плаще лениво скользит на коньках по льду пруда, словно парит над ним. Но к тому времени, как карета останавливается и мы вылезаем наружу, незнакомка исчезает.

Резкий ветер продувает мое тонкое коричневое платье и плащ, сшитый из колючей ткани, которую Торсен не мог продать по сколько-либо достойной цене. Я пыталась улучшить свою одежду безупречным покроем и пошивом, украсить ее вышивкой по подолу и воротнику, но холод все равно без усилий добирается до моего тела.

– Добро пожаловать домой, госпожа Вестергард! – как только мы входим в вестибюль, нас встречает домоправительница с округлой фигурой и румяными, словно яблоки, щеками. Судя по виду, она годится мне в матери. – Хорошо ли прошла ваша поездка?

– Все хорошо, спасибо, Нина.

Слуги, появившись словно бы из ниоткуда, выстраиваются двумя ровными рядами. Белые фартуки, аккуратная черная униформа – ливреи и платья – все безупречно до последнего волоска. Когда мы проходим между рядами, все слуги одновременно кланяются. Потолок в вестибюле сводчатый, он тянется вверх словно бы на целую милю, завершаясь мозаикой из цветного стекла, озаренной люстрой со множеством свечей. Пол со стенами выложены белой мраморной плиткой и покрыты толстыми коврами и гобеленами, чтобы задерживать холод и поглощать эхо. От цветов сиреневой наперстянки, стоящей в фарфоровой вазе на столике, исходит нежный запах, наполняющий весь вестибюль. Я снова гадаю, каким образом здесь может расти что-то, столь неуместное для поздней осени.

Ева смотрит во все глаза на лестницу, которая спускается в фойе, словно складчатая юбка, сделанная из мрамора, и эта роскошь вызывает в моей душе неожиданный приступ гнева. Я пытаюсь сопротивляться ему. Но вижу лишь, как Ингрид плачет над раковиной, не зная, как растянуть деньги, оставшиеся после смерти отца, и беспокоясь, что придут сборщики долгов и разлучат нас навеки. Что-то у меня внутри застывает при виде великолепного портрета в золотой раме, портрета Алекса Вестергарда, покойного мужа Хелены. Мы с Ингрид едва смогли позволить себе похоронить нашего отца в простом сосновом гробу, в могиле, расположенной у самой ограды, где хоронят бедняков, и эта могила отмечена лишь маленьким тонким крестом.

– Нина, – обращается госпожа Вестергард к домоправительнице, – я хотела бы представить тебе свою дочь Еву. – Чуть слышный ропот изумления пробегает по рядам слуг, прежде чем они кланяются и делают реверанс, не нарушая строя. – Ева, это наша домашняя прислуга. Скоро ты будешь знать их всех по именам, а они позаботятся, чтобы все твои нужды были удовлетворены.

– Добро пожаловать, барышня Вестергард, – произносит Нина, протягивая руку к Еве. – Могу я принять ваш плащ?

Услышав свою новую фамилию, Ева заливается румянцем, а Хелена поворачивается ко мне.

– Нина, это Марит Ольсен, которая отныне будет одной из вас как моя личная портниха. Пожалуйста, подыщи ей подходящее жилье.

– Да, госпожа. – Нина кивает мне: – Идем со мной, барышня Ольсен, – она указывает на лестницу, ведущую вниз, в темный коридор.

Я хочу обнять Еву или пожать ей руку, но не могу сделать этого в присутствии Хелены и слуг. Не могу, потому что не должна. Поэтому я даже не смотрю ей в глаза, чтобы она не сделала ничего неуместного перед лицом своей новой прислуги.

«И я теперь одна из них», – неожиданно доходит до меня.

Я киваю Нине и иду за ней, в то время как Ева вслед за Хеленой поднимается по роскошной лестнице на верхний этаж.

Мы расстаемся, даже не попрощавшись, и я чувствую, как в этот миг, когда мы уходим в разные стороны, в наших отношениях что-то меняется.

Глава седьмая

Я иду следом за Ниной по подземному коридору, который поворачивает направо, во флигель прислуги. Она по-солдатски печатает шаг, и ее низкие каблуки ритмично стучат по полу, порождая эхо.

– Портниха, а? – ворчливо спрашивает она и, к моему удивлению, закатывает глаза, когда я киваю в ответ.

Коридор длиной в двадцать шагов озаряют тусклые огоньки свечей, и здесь довольно холодно, я даже вижу пар, вырывающийся у меня изо рта при дыхании. Нина открывает тяжелую дверь в конце коридора, и на нас обрушивается волна теплого воздуха и громкого смеха. Этот коридор похож на врата в другой мир,

совсем не такой, как холодное белое великолепие наверху.

- Не этот! - шипит кто-то.

- Дурак! - добавляет кто-то другой.

Мы входим в большую кухню, и я ускоряю шаг, чтобы поспеть за Ниной; мы огибаем огромную бронзовую дровяную печь, на которой булькают кастрюли и шкворчат сковородки. Трое слуг толпятся вокруг массивного деревянного чурбана, заменяющего стол. Женщина с кудрявыми волосами бросает сухой ячменной шелухой в подростка, который изучает поваренную книгу.

Четвертый из присутствующих едва виден в темном углу: это парень, одетый в черную ливрею, словно дворецкий, но его длинные волосы кажутся невымытыми несколько дней. Он начищает туфли, сшитые из угольно-черной кожи.

- Здесь ясно сказано «полба», - заявляет подросток.

- Но у нас ее нет, - женщина - вероятно, повариха - потрясает ячменем у него перед носом.

- Опять картофель? - третья служанка, с виду лет четырнадцати, с косами, уложенными венцом вокруг головы, заглядывает в мешок. - Я слышала, как Лара говорила, что из-за такого количества крахмала ее теперь трудно поднимать, когда она катается на коньках.

- Я бы без труда подняла Лару, - ворчит повариха, бросая ячмень в суп. - И выкинула бы в окно.

Нина откашливается, и все поднимают на нее взгляды.

- Госпожа Вестергард вернулась. И привезла с собой дочь.

Слуги мгновенно собираются вокруг нас, забыв про ячмень. Мое сердце сжимается, когда я слышу эти слова. Ева больше не сирота. Она снова чья-то дочь.

– Что ты сказала? – «дворецкий» встает так поспешно, что с лязгом роняет баночку с ваксой на пол.

– Она искала так долго, что мне казалось, уже никогда не найдет...

– Наконец-то дочь!

– И без предупреждения? – восклицает повариха. Она сразу берется за дело, смахнув полотенцем крошки со стола и повязав у себя на талии передник. – Она будет ждать, что им подадут праздничный обед, а до завтрашней доставки у меня в кладовой почти пусто! – Повариха принимается выискивать в буфете поваренные книги и муку, одновременно отдавая приказы. – Пудинг. Сигне, проверь, остались ли у нас еще смоквы. Брок, беги в оранжерею и выбери то, что пахнет получше. Я как-нибудь справлюсь.

– Я покажу тебе твою комнату, – резко говорит мне Нина; ей, похоже, не терпится увести меня, пока остальные слуги не заметили.

Мы проходим по коридору с гуляющими в нем сквозняками и поднимаемся на три лестничных пролета в восточный флигель, где находятся комнаты слуг. Здесь царит приятное тепло и яркий свет, полным-полно закоулков, чуланов и рабочих помещений. Это напоминает мне о том дне, когда я прибыла в «Мельницу» – все сироты смотрели, как я с саквояжем в руке взбираюсь по лестнице к дверям общей спальни. Я была решительно настроена не плакать, хотя здесь пахло совсем не так, как дома, и никто не собирался заплетать мне косу и читать «Снежную королеву» во время болезни. Следующие три года были самыми одинокими в моей жизни. Пока ко мне не подошла Ева, сердито хмурясь и протягивая мне Вуббинса. Я представила, как она сейчас поднимается по лестнице, параллельной этой, и нас разделяет всего несколько стен. Но как же по-разному должен ощущаться дом, когда тыходишь в него как часть семьи – и когда тебя нанимают на работу и тебе нужно доказать свою полезность! Нина быстро пересказывает мне правила поведения, с каждым лестничным пролетом ее дыхание учащается.

– Ужин ровно в семь, иначе ты вообще не получишь еды. Девушкам нельзя находиться в комнатах парней и наоборот. Каждого отпускают в город раз в месяц. В половине девятого – отбой, после наступления темноты из дома выходить запрещено. Никогда не заставляй госпожу Вестергард ждать, делай

свою работу аккуратно и вовремя. А если раньше срока, даже лучше.

Когда мы достигаем третьего этажа, из-за двери доносится взрыв смеха. Нина хмурится.

– Могу только представить, что она там творит, – бурчит она, позванивая ключами. – Печально известная Лильян.

Нина вставляет ключ в замок, резко проворачивает и распахивает дверь.

– Нина! – восклицает Лильян, поспешно пряча что-то под подушку. – Ты могла бы постучаться!

Я вхожу в комнату вслед за Ниной. У «печально известной Лильян» волосы соломенного цвета и синие глаза со слегка скошенными вниз уголками; в этих глазах пляшут искорки. Похоже, она из тех девушек, которые хлопают в ладоши от радости почти по любому поводу. Рядом с ней, на кровати, вероятно, предназначенной мне, сидит парень.

– Тебе не положено здесь быть! – рявкает Нина, и парень поворачивается к нам. Его набриолиненные волосы зачесаны на макушку, а темные глаза за стеклами очков в проволочной оправе отчего-то кажутся мне забавными. – И есть тоже запрещено! – она выхватывает у них полуразвернутые конфеты. – Крыс хотите развести?

Оба принимают якобы пристыженный вид, но, как только Нина поворачивается к ним спиной, губы Лильян начинают подергиваться. Парень хмуро смотрит на это и бросает в нее конфету, пока Нина обращается ко мне:

– Никаких парней. Никакой еды в комнате, – строго повторяет она. – Просто не делай того, что делает Лильян, и у тебя все будет в порядке.

– Но, Нина, свет моей жизни, – встревает Лильян, – ты нас не представила друг другу!

– Это Марит Ольсен. Марит, это Лильян Даль, младшая горничная и неизменная заноза в моем заду. А это, – добавляет Нина, хватая парня повыше локтя, – ее

брат, Якоб Даль. – Вон! – Она тащит его к двери и говорит мне: – Госпожа Вестергард позвонит, если ты ей понадобишься. В главном доме носи униформу, и пусть она будет накрахмалена так, чтобы стояла, даже когда ты не в ней. И ни за что не опаздывай!

Вытолкнув Якоба в коридор, она захлопывает дверь.

– Привет, Марит Ольсен, – говорит Лильян, наклоняясь вперед и упираясь локтями в колени. – Для чего тебя наняли? – она берет еще одну конфету в блестящей красной обертке.

– Я... э-э... портниха, – отвечаю я, опуская котомку на пол у ног. К моему удивлению, лицо Лильян мрачнеет. Она тяжело вздыхает и укладывается на бок.

– Это твоя постель, – говорит она, указывая на незастеленный соломенный матрас, где до этого сидел Якоб. – Софи спала здесь всего две недели.

– Софи? – переспрашиваю я.

– Портниха, которая была до тебя. – Лильян плотно сжимает губы. – Они обычно не задерживаются надолго.

– Почему? – слишком поспешно спрашиваю я, но Лильян только пожимает плечами и кидает конфету себе в рот.

Бросаю беспокойный взгляд на свою новую кровать. Неожиданно мне кажется, будто, приняв эту работу, я влезаю в одежду, снятую с умершей.

Я застилаю кровать, взбиваю подушку, разглаживаю верхнюю простыню и стеганое одеяло на пуху. В комнате есть умывальник и ночной горшок в тон, стены расписаны сложным цветочным узором: гроздь сиреневой глицинии сплетаются, точно кружево. Когда Лильян поворачивается ко мне спиной, я тихонько провожу пальцами по росписи. Я никогда прежде не видела в комнатах для прислуги подобной роскоши.

Лильян посасывает конфету и сообщает:

– Униформа в дальнем сундуке.

Я еще раз встряхиваю и разглаживаю набитый соломой матрас, а потом переодеваюсь в черное, как уголь, накрахмаленное форменное платье Вестергардов. Что бы подумал мой отец, если бы увидел меня сейчас? Когда я собираюсь работать на его прежних хозяев и использовать магию.

Его письмо выпадает из кармана моего прежнего платья, и я аккуратно прячу его в сборник сказок Андерсена, в сотый раз жалея о том, что папа не написал ничего мне. Это письмо – последнее, что от него осталось, и оно даже не было адресовано мне. Даже спустя много лет меня ранит, что он обращался только к моей сестре. Почему?

– Ужин! – неожиданно восклицает Лильян. – Надеюсь, ты не из слабых, Марит, – и хотя тон у нее скептический, но возникает впечатление, будто она тайно дает мне совет. – Идешь?

Она открывает дверь, и на нас обрушивается головокружительный аромат, как будто сам воздух стал густым и золотистым. Я расправляю фартук, точно щит против грядущих невзгод, и иду вниз по лестнице вслед за Лильян.

* * *

За ужином царит такой шум и беспорядок, какого Несс ни за что не допустила бы в «Мельнице». Люди входят и выходят, переговариваются друг с другом, что-то рассказывают, двери то открываются, то закрываются, когда слуги направляются в главное здание, неся на подносах миски с красной капустой и блюда со свининой, зажаренной до хрустящей корочки. Девушка по имени Сигне взбивает свежие сливки, повариха достает из печи яблочный пирог, который сверху украшен ломтиками яблока, посыпанными корицей и уложенными в спиральный узор, словно лепестки раскрывающейся розы. В желудке у меня урчит. Я думаю об Агнес, которая сидит сейчас одна в нашей каморке в мастерской Торсена. Она вечно шмыгала носом и горбилась над своей тарелкой, как будто я собиралась украсть у нее еду. На полсекунды мне становится почти жаль ее.

– Так, значит, госпожа Вестергард действительно куда-то съездила и привезла домой приемную дочь? – спрашивает Сигне. Слуги толкуются вокруг грубого деревянного стола, на котором расставлены тарелки с едой, и на их лица падает мерцающий свет восковых свечей.

Я неуверенно стою в дверях, а потом вздрагиваю от неожиданного осознания.

Магия практически сияет вокруг них всех. Я никогда прежде не ощущала подобного, но, с другой стороны, никогда не видела, чтобы столько магии собралось в одном месте и использовалось так недавно. Каким-то образом я просто знаю о ее присутствии, как будто у меня возникает какое-то дополнительное ощущение: то ли покалывание на коже, то ли низкий гул или жужжание, исходящее от них всех. У меня перехватывает дыхание, когда я вспоминаю, как Хелена изучала починенный мною плащ, и понимание последствий этого замораживает меня, точно прикосновение льда. Конечно же, она точно знала, о чем меня просит. Должно быть, все, кто работает здесь, наделены магией: поскольку для того, чтобы заслужить место слуги в подобном доме, надо превосходить всех прочих людей.

А такое превосходство обычно дается магией.

Теперь мне понятно, откуда у нее взялись сливы в ноябре. Я думаю о роскошных цветах, свешивающихся за край вазы в вестибюле. Какая женщина станет наполнять свой дом людьми, которые ради ее блага рискуют умереть от Фирна? Женщина из того же самого семейства, которое требует от людей умирать в их шахтах и игнорирует детей, оставшихся в результате этого сиротами. И все же... я украдкой обвожу взглядом помещение. Никто не выглядит испуганным или несчастным. В кухне царит по-настоящему теплая и веселая обстановка. Ее даже можно назвать семейной.

До того момента, пока все, словно бы разом, не замечают меня. Наступает тишина, и все присутствующие одновременно поворачиваются к двери.

Повариха спрашивает:

– А это еще кто, божечки-ложечки?

– Это Марит Ольсен, – суровым тоном объясняет Нина. – Новая портниха госпожи Вестергард.

Мне хочется скрестить руки на груди, но я заставляю себя держать их вытянутыми по бокам. Парень с длинными грязными волосами со стуком кладет свою ложку на стол и произносит с затаенным рычанием в голосе:

– Мне казалось, на это место наконец-то возьмут Айви!

Повариха роняет на стол стеклянную тарелку, по которой от середины к краю, пробегает извилистая трещина. Женщина бормочет какое-то ругательство и горестно смотрит на девушку примерно моих лет, с длинной белокурой косой и родинкой на правой щеке, похожей на крошку от торта.

– Айви, – вздыхает повариха, – мы старались изо всех сил. Я думала, что на этот раз ты все-таки добьешься своего.

– О, тетушка Дорит, – отвечает девушка по имени Айви, блестя глазами, – это не твоя вина. Мне жаль, что я не могу быть такой, как нужно госпоже Вестергард. Я неплохо шью, но, конечно же, не так, как те, у кого есть к этому дар, – она кладет ладонь на разбитую тарелку, а когда отнимает руку, то стекло снова целое. Как будто она исцелила его. Кровь приливает к моим щекам. Я никогда раньше не видела, чтобы кто-то использовал магию так беспечно, и не слышала, чтобы кто-то говорил о магии так открыто. Это почему-то заставляет меня чувствовать себя выставленной напоказ. Как будто я вошла в зеркальный коридор и рассматриваю себя под таким углом, под каким никогда прежде не видела.

– Кому-нибудь понадобится и то, что ты умеешь, дорогая, – возражает Айви повариха. – И если у Хелены Вестергард есть хотя бы половина того...

– Дорит! – резко обрывает ее Нина. – Довольно!

Повариха бросает на тарелку грудку салата.

– Я помню, как у Айви выпал первый молочный зуб, вот прямо здесь, в кухне, – говорит она, подавляя всхлип. – Я обещала своей сестре Роди, что всегда буду

присматривать за девочкой.

Все снова поворачиваются и мрачно смотрят на меня.

«Просто замечательно».

Все места за огромным деревянным столом заняты, и никто не собирается подвинуться, поэтому я застенчиво подхожу к дальнему краю у стены и втискиваюсь в крошечный промежуток, оставшийся в углу. Я думаю о Еве и о том, что, если ты кого-то знал еще ребенком, это опутывает твою душу сетью особых чувств, каким бы ребенок ни вырос и что бы с ним ни стало.

Я отлично это понимаю, но не собираюсь никуда отсюда уходить. Поэтому беру себя в руки, чтобы противостоять этим злым взглядам, и притворяюсь, будто не замечаю их. Я десять лет прожила в сиротском приюте и три месяца – в одной камерке с подлючкой Агнес, так что подобный холодный прием не заставит меня завянуть, как листик латука.

Особенно когда вокруг стола передают блюдо с жареной свининой и шкварками. Воск капает с горящих свечей, а от печи исходит приятное тепло. Я смотрю на шкварки, золотистые и хрустящие, и мой рот наполняется слюной. Я не ела их с шести лет.

Девушка, сидящая рядом со мной, берет кусок жареного мяса.

– Брок? – нежным голосом спрашивает она, предлагая мясо грязноволосому парню, который ухитряется выхватить у нее блюдо прежде, чем я успеваю взять свою порцию. Мои руки, лежащие на коленях, сжимаются в кулаки. Брок передает блюдо еще дальше от меня, потом склоняется ко мне и тихо говорит:

– Айви выросла здесь, среди нас. Она заслуживает этого места.

Я, не дрогнув, отвечаю ему с бесстрастным взглядом:

– Почему бы тебе для начала не обсудить это с госпожой Вестергард?

– А почему бы тебе просто не отказаться от этой работы?

– Нет, – решительно отвечаю я, и в итоге корзинку с булочками передают прямо у меня над головой. Я откашливаюсь и прошу кого-нибудь передать мне капусту.

Мою просьбу игнорируют.

Я пытаюсь самостоятельно положить себе еды, но, как только тянусь за ней, Дорит забирает блюдо и отставляет его на кухонную стойку. По крайней мере, никто не мешает мне схватить раскисшие помидоры, оставшиеся на дне салатной миски. Хотя я ненавижу помидоры. Я чувствую, как Якоб Даль рассматривает меня с противоположного конца стола, и, когда поднимаю глаза, он встречает мой взгляд, помаргивая темными ресницами из-за очков. Он не проявляет ко мне враждебности, но и не улыбается.

Интересно, замечает ли он, как я вздрагиваю, когда разговор неожиданно переходит на Еву?

– Кто видел ее? – запихивая еду в рот, спрашивает парень с темными, коротко стриженными волосами. – Ну, эту приемную дочь? Как она выглядит?

– Очень милая малышка, но ужасно худенькая. По-моему, ее совсем не кормили в том сиротском приюте, откуда ее взяли... – отвечает Дорит.

– Она темнокожая, правда? – прерывает ее девушка с волосами цвета мыльной воды в мойке и при этом громко жует, роняя изо рта кусочки еды. – Она вообще датчанка?

Я резко втягиваю воздух.

– Она танцовщица, как сама госпожа Вестергард, – говорит кто-то слева от меня. – Лара видела платье с балетной юбкой, когда распаковывала ее сундук...

– Я слышал, что она из того же приюта, в котором выросла Хелена...

– Ей ужасно повезло, правда? Хотел бы я, чтобы госпожа Вестергард усыновила меня! – заявляет первый парень, и все за столом хохочут. Он поворачивается к девушке с «мыльными» волосами, которая продолжает так же неопрятно жевать. – Из нищих в принцы. Я заставил бы тебя, Рая, согреть мои полотенца

у огня и кормить меня смоквой с вилочки.

Рая показывает ему язык.

– Я бы сначала облизала эти смоквы.

Злость разрастается в моей душе, подобно лозам плюща, когда я слышу, как любимого мной человека треплют в застольном разговоре и расчленяют, словно кусок мяса на тарелке. Я начинаю подниматься из-за стола, и слова, о которых, вероятно, пожалею, закипают у меня в горле, когда...

– Ну да, – произносит Брок холодно и жестко. Взяв свою вилку, он принимается рассматривать зубцы при свете свечей. – Думаю, если бы Хелена усыновила меня, я бы постоянно оглядывался через плечо.

Я замираю, не выговорив ни слова, а потом тихо, незаметно сажусь обратно. И настораживаю уши, внимательно прислушиваясь к тому, что будет дальше.

– А, перестань, – с утомленным стоном отмахивается от него Рая. – Хватит уже этого.

Брок пожимает плечами и накалывает мясо на вилку.

– Алекс Вестергард был здоровым мужчиной в расцвете лет, вот и все, что я хотел сказать.

На другом конце стола Якоб поправляет на носу свои очки.

– У него было что-то с сердцем, – скучающим тоном возражает Рая. – Его никто не убивал, дурак. Кому бы понадобилось его убивать? Хелене? – смеется она.

Мой желудок неожиданно сжимается.

– Ты знаешь кому, – отвечает Брок, и лицо его мрачнеет. Взяв тонкую косточку, он принимается ковырять в зубах. – Но надо отдать должное Хелене, она поступила по-умному. Он выбирает одного наследника, она добавляет другую. Это все равно что выставить пешку перед ферзем.

– Довольно, – приказывает Нина с другого конца стола. – Вы знаете, что я не одобряю этих сплетен о смерти хозяина. Это недостойно, неуместно и не к лицу хорошим слугам.

Я оттягиваю воротник своего платья, кровь стучит у меня в ушах. О чем они говорят? Конечно же, Брок не мог иметь в виду то, о чем я подумала, верно?

Ведь Алекса Вестергарда не могли убить?

– Марит, – тихо произносит Айви, и я вздрагиваю. Последний ломтик помидора соскальзывает с моей вилки и размазывается по тарелке в красную лужицу. – Вот, держи, – шепчет она и ставит передо мной свою тарелку со шкварками и грудой красной капусты.

В голове у меня все еще вертятся слова, сказанные Броком, и я в изумлении смотрю на Айви.

– Спасибо, – шепчу в ответ пересохшими губами.

– Ты слишком добрая, Айви, – произносит Брок почти с отвращением.

– Ты знаешь, как я люблю вас всех и как сильно хочу остаться, – отвечает она, разглаживая салфетку. – Но вам не следует выгонять Марит. На ее место просто придет кто-нибудь еще. Так всегда бывает.

Похоже, прислуга закончила обсуждать Еву и возможное убийство господина Вестергарда и решила вновь сосредоточить внимание на мне. Видимо, по их мнению, из меня еще можно попить свежей кровушки.

– Я не согласен, – громко заявляет Брок, словно побуждая всех к действию. – В конце концов, у госпожи Вестергард закончатся магически одаренные портнихи на замену, и она поймет, что лучше выбрать кого-то, кто уже ладит со всеми нами. – Он поворачивается ко мне и продолжает: – Я брат Айви, а ее тетя – повариха. Так что ты предпочтешь, волосы, песок или стекло в своем завтраке?

Все за столом смотрят, как он медленно размазывает масло по пышной булочке. И следят за моей реакцией.

Я ощущаю гудение во всех жилах. Мне каким-то образом нужно показать, что я не потерплю насмешек со стороны всех этих людей, поэтому беру в руки нож и отрезаю огромный кусок жареной свинины.

– Если я оставляю должность портнихи, ты первым узнаешь об этом, Брок, – говорю я, орудуя ножом с угрожающей ловкостью. – И ознаменую свой уход тем, что привяжу тебя к перилам твоими собственными сальными лохмами.

На миг за столом воцаряется тишина, только Брок кашляет, давясь куском булки и едва не задыхаясь. Все смотрят на меня, приоткрыв рты. Это не пустая угроза: вполне вероятно, я могла бы осуществить ее посредством магии.

Потом Лильян раздражается довольным смехом и колотит руками по столу:

– Брок, тебе нужно официальное представление? Потому что, мне кажется, Марит вполне можно назвать «Тебе-под-стать».

– Вот тебе «слабая», – ворчу я.

Кажется, я выиграла у прислуги достаточно очков, чтобы спокойно закончить свой ужин. Все начинают расходиться, со звоном ставя тарелки в мойку и принимаясь за свои вечерние дела. За столом остается только Якоб, и его глаза задумчиво блестят за стеклами очков.

– Что такое? – с раздражением спрашиваю я его наконец, запивая еду ягодным компотом.

К моему удивлению, он в молчаливом салюте поднимает за меня свой стакан, а потом отворачивается, но я успеваю заметить на его лице неожиданную радостную улыбку.

Глава восьмая

Мои кошмары – призраки давно ушедшего прошлого, которые всколыхнул мой приезд сюда.

– Это не похоже на него – заставляя нас ждать, – говорит моя сестра. Она отпускает занавеску на кухонном окне, и та распрямляется.

Ингрид тринадцать, мне – шесть, и наш отец опаздывает с работы. Южная шахта Вестергардов, где он работает, находится в трех четвертях часа пути от нашего дома, и он всегда возвращается вовремя, чтобы помыться перед ужином и переодеться, так как приходит весь в известняковой пыли. Он насвистывает, смывая пыль с усов, даже если вода настолько холодная, что в ней плавают кусочки льда.

Я жду, болтая ногами и завязывая узелки на посудном полотенце. Ингрид точно так же завязывает и развязывает узлы на своем носовом платке, потом принимается тереть деревянный стол с таким рвением, что руки у нее краснеют. Она случайно расплескивает воду на ржаной хлеб, и он расплзается мокрой массой. Сестра продолжает выглядывать в окно. И наконец мы слышим это – перезвон колокольчиков на сбруе его лошади. Мы бросаемся к окну, и стекло запотеваает от нашего дыхания.

Ингрид издает сдавленный звук, когда видит черную униформу с золотыми кисточками. Стук в нашу дверь звучит, словно хруст ветки, ломающейся под весом снега.

Мужчина в черном протягивает конверт, запечатанный круглой темной печатью Вестергардов: молот и кирка. Тонкие пальцы Ингрид дрожат так сильно, что она с трудом вскрывает послание.

Мужчина ждет, пока она читает письмо, потом склоняет увенчанную шляпой голову и официальным тоном произносит:

– Мне очень жаль, барышня. Я должен задать вам несколько вопросов. Вам и вашей сестре.

– Пожалуйста, не сегодня, – сдавленным голосом просит Ингрид. – Вам лучше сделать это потом.

Дверь закрывается за ним с громким стуком, но еще ужаснее звучит щелканье замка, когда Ингрид запирает его. Потому что в этот момент я точно понимаю, что случилось.

Больше папа не войдет в эту дверь. Он никогда не придет домой.

Я начинаю плакать еще до того, как она поворачивается, чтобы прочесть письмо мне вслух. Я рыдаю и бью ее кулаками, когда она произносит эти слова.

«Несчастный случай в шахте...»

«Обвал...»

«Погребен под завалами...»

Мы вместе сидим в кухне еще долгое время после того, как наступает темнота и огонь в очаге угасает. Но Ингрид продолжает сжимать в руках письмо, не выпуская его.

– Что нам делать? – спрашиваю я, а потом, устав от плача, опускаю голову на чистый деревянный стол. Мое дыхание замедляется. Наверное, она думает, что я уснула.

– Несчастный случай, – говорит она, словно бы про себя.

Я открываю глаза и вижу, как она крепче сжимает письмо, сминая его в тонких пальцах. Чернила, которыми написаны ужасные слова, размазываются по ее коже. Она моргает один раз, другой, и ее синие глаза затуманиваются.

Ее сжатые кулаки похожи на раковины моллюсков, пока магия пульсирует в ее крови.

Неожиданно чьи-то пальцы сжимают мое плечо.

– Марит, с тобой все в порядке?

Я открываю глаза и вижу Лильян, которая стоит на коленях возле моей кровати и трясет меня за плечо.

- Ты... плакала, - негромко поясняет она.

- Все в порядке, - отвечаю ей и, плотно закутавшись в одеяло, с неистово бьющимся сердцем отворачиваясь к стене. - Извини, - неловко выговариваю я.

В окно льется яркий утренний свет, а из кухни поднимается запах кофе; он такой теплый и густой, что я сразу же чувствую голод. Но по мере того, как кошмар бледнеет и выцветает, я плотнее заворачиваюсь в одеяло, совершенно не желая вставать и браниться с Дорит и Броком за остатки завтрака. Лильян, сощурившись, смотрит на меня некоторое время, словно желает удостовериться, что со мной действительно все в порядке, а потом выходит из комнаты и со щелчком прикрывает за собой дверь.

Я встаю, умываюсь и переодеваюсь в форменное платье, и тут в дверях снова возникает Лильян. Она ставит что-то на мой прикроватный столик: исходящую паром чашку с кофе и узелок из салфетки, в котором обнаруживается единственный свежесдобный ежевичный скон[4 - Скон - небольшой хлебец, обычно сдобный.].

- Без стекла, песка и волос, - объявляет она.

- Спасибо, - отвечаю я, и тепло, окрашенное удивлением, разливается в моей груди.

- Просто сделай так, чтобы Нина не узнала, - предупреждает Лильян. - В случае чего, съешь салфетку.

Я застенчиво улыбаюсь ей и откусываю первый кусочек скона. Ежевика все еще теплая.

Внизу Нина придирчиво осматривает мой крахмаленный передник и чепец, а потом вручает мне ключ от моей рабочей комнаты и дает указания, как найти госпожу Вестергард в ее покоях. Мои шаги эхом отдаются в огромных залах главного здания, и комнаты словно бы бесконечно перетекают одна в другую.

Коридоры ведут в разных направлениях, где одни залиты светом, а другие окутаны темнотой. Полы напоминают мне деревянное кружево, дубовые панели различного оттенка словно составляют затейливую мозаику, а позолоченные подсвечники как будто растут из расписанных узорами стен.

Мое сердце радуется мысли о том, что сейчас я увижу Еву.

Хелена Вестергард сидит перед туалетным столиком, а Лильян зачесывает ее волосы в высокую прическу. Покрывала и портьеры в комнате Хелены сделаны из тяжелой узорчатой парчи, расшитой серебряными и голубыми нитями. В дальнем углу стоит массивная каменная печь от пола до потолка, выложенная белыми плитками с рисунком из изящных синих цветов, и из-за ее сверкающей бронзовой дверцы волнами струится тепло, создавая уют.

– Марит, ты устроилась на новом месте?

Я ловлю свое отражение в зеркале: кошмар оставил у меня под глазами темные круги. В памяти тут же отчетливо всплывает восковая печать Вестергардов на том ужасном письме.

– Да, госпожа Вестергард.

– Хорошо. У меня есть для тебя работа, и ее нужно сделать быстро. Мне и Еве нужны несколько новых платьев. – Ее серьги покачиваются в зеркальном отражении, словно капли воды, которая стекла с мочек ее ушей и застыла. – Лильян отнесла в твою рабочую комнату мерки и рисунки.

– Я приступлю сейчас же, – отвечаю я.

– Дядя Евы, Филипп – брат моего покойного мужа – приедет к нам на Мортенсафтен, – продолжает Хелена. Лильян зачесывает наверх очередную прядь, открывая гибкую шею Хелены. – К этому времени мне понадобятся первые два платья.

Мортенсафтен – праздничный ужин, который устраивают вечером накануне Дня святого Мартина в честь окончания жатвы. Завтра. В ушах раздается слабый звук, похожий на звон разбитого стекла. Она требует сшить два платья за один

день – посредством магии.

Хелена смотрит на меня через отражение в зеркале.

– С этим будут какие-либо проблемы?

– Никаких, госпожа, – отвечаю ровным тоном и молча делаю два шага назад. Как только за мной закрывается дверь, я прислоняюсь к стене. Страх, словно острые иглы, пронзает мою грудь.

Дверь напротив приоткрыта совсем чуть-чуть, но мне этого достаточно, чтобы заметить маленькую смуглую ступню, выглядывающую из-под одеяла. Правая нога Евы, которую она всегда высовывала во сне.

«Ты спишь, словно медуза», – как-то раз проворчала я, когда она в очередной раз ночевала вместе со мной. Ева зевнула и поджала руки и ноги, свернувшись в клубок и подобрал их под себя.

«Теперь я улитка», – хихикнула она, а потом изобразила храп, громкий, противный и совсем не похожий на настоящий.

«Хр-р-р, хр-р-р, хр-р-р», – храпела она, и это было так ужасно, что я начала смеяться и не могла остановиться даже тогда, когда Сара пригрозила побить меня черенком от метлы.

Стоя перед дверью Евы, мне ужасно хочется войти и забраться вместе с ней в кровать, как когда-то. Но это совершенно неуместно теперь, когда она Вестергард, а я – просто служанка. Так что вместо этого я спешу в свою маленькую рабочую комнату, расположенную где-то в укромном уголке на третьем этаже флигеля прислуги. Увидев рисунки платьев, приколотые к пробковой доске, я недоверчиво хмыкаю. Вышивка, кружева, пуговицы, бисер – без магии на каждое платье мне понадобилась бы по меньшей мере неделя работы, даже трудись я день и ночь.

Отыскиваю пару бритвенно-острых серебряных ножниц и задумчиво провожу пальцами по отрезам роскошного шелка и плотной парчи, обнаружившихся в шкафу. Я снова размышляю о том, что видела вчера вечером в кухне для слуг:

как магия буквально гудела вокруг них, и при этом они выглядели совершенно довольными. Как странно, что все они хотят остаться здесь!

Взяв в зубы несколько булавок, я драпирую на манекене ткань, мысленно намечая очертания будущего корсажа, и продолжаю раздумывать. Наверное, та же самая ситуация у людей, работающих в шахтах. Никто не заставляет их это делать, точно так же, как никто не заставлял меня принять эту работу. «Но разве правильно предлагать людям работать ради твоей выгоды, если это подвергает их такой опасности? – думаю я, втыкая булавки в мягкое тело манекена. – Или я не права в том, что столько лет держу обиду на Вестергардов?»

Быть может, потому что легче винить их, чем моего отца за то, что он сделал такой выбор?

Я стою перед платьем, наколотым на манекен, словно перед противником, и скриплю зубами, чувствуя знакомое напряжение в челюсти. Если буду слишком много думать об использовании магии, то уговорю себя не делать этого. Поэтому я не позволяю своему страху усиливаться и вместо этого представляю, будто подхожу к краю причала и всматриваюсь в темные волны внизу.

Потом собираюсь с силами и просто ныряю.

В тот же миг в моих конечностях зарождается покалывающий холодок, и меня неизменно потрясает, как приятно это ощущается: как будто я делаю именно то, ради чего создана. Но потом страх заглушает любое удовольствие от занятия магией. Быть может, несмотря на то что я годами обращалась со своей магией невероятно осторожно, слабые отголоски Фирна уже прорастают во мне прямо сейчас кристаллическими полосками инея... Вдруг перед моим взором отчетливо предстает образ Ингрид, и все остальное исчезает. Я помню, как выглядели ее ступни – жесткие и синеватые, – когда Фирн захватил ее тело и кремировщик пришел, чтобы забрать труп.

«Думай о радостных днях Ингрид», – приказываю себе. Я воображаю ее в утро Масленицы, когда она притворялась, будто хлещет отца церемониальной ветвью, которую мы сделали из березовых веточек, перьев и пустых яичных скорлупок. Отец взревел, когда я стукнула его этой ветвью по голове, чтобы поднять с постели. После этого он поставил ее в вазу на кухонном столе, словно

это был прекрасный букет, а не пучок бурых корявых веточек. В тот вечер меня назначили Королевой кошек. Я макала ветвь в деревянный бочонок и дождем разбрызгивала сахарный сироп. Но приготовила его для меня Ингрид. Она заранее проделала всю тяжелую работу, так что мне оставалось только махнуть пучком веток и получить вознаграждение.

До меня неожиданно доходит, что сейчас я старше, чем была она в момент своей смерти.

Я работаю весь день, пока не заходит солнце; платье Евы усеивают бисерные узоры, похожие на изящные завитки дыма. Невозможно представить, какой вред могло причинить мне такое количество магии. Но отражение в зеркале показывает, что щеки у меня покраснелись, а лицо выражает радость. Я чувствую себя живой. Кожу покалывает изнутри и снаружи. Жизнь – это лезвие, которое тускнеет и тупится, если с чрезмерной беспечностью или чрезмерной осторожностью относиться к тому, что несет тебе каждый день. Но сегодня я не проявляла ни того ни другого, и моя реальность наполнена живым пульсом, и каждый сделанный мною вдох ощущается с особой остротой.

Я удостоверяюсь, что заперла за собой дверь рабочей комнаты: не хочу давать Брокку шансов испортить платья, прежде чем благополучно передам их Хелене и Еве.

Когда вхожу в свою комнату, вижу на подушке сложенную записку.

– Это от дочери Хелены... тебе, – произносит Лильян. Она смотрит на меня, приподняв брови, и разглаживает складки на своем форменном платье, прежде чем отложить его прочь. Ее незадачный вопрос повисает в воздухе между нами.

– Вот как? – переспрашиваю я и поворачиваюсь к ней спиной, прежде чем развернуть бумагу. К чести Лильян, по письму не похоже, чтобы кто-то совал в него нос. Я вижу знакомый неровный почерк Евы: средняя палочка буквы «ш» поднимается выше, чем две боковые.

Мара, я пыталась тебя найти. Ты где? Заблудилась в коридорах? Тебя съел драуг? Ты куда-то забилась и нанюхалась шерсти (ха-ха)? Или ты еще спишь (хи-хи)?

Я хотела приберечь для тебя плетенку с миндальной начинкой, которую ты любишь, но эта ужасная Нина не позволила мне вынести ее из кухни. Поэтому я ее съела (плетенку, не Нину).

Приходи навестить меня поскорее.

С любовью от Евы и Вуббинса

Я чувствую, как в груди у меня разгорается тепло, а потом осознаю, что Лильян все еще смотрит на меня. Вспоминаю разоблачительные замечания Брока вчера вечером – о том, что Алекс Вестергард, возможно, был убит, что Ева может оказаться пешкой в чьей-то игре – и гадаю, как быстро смолкли бы подобные разговоры, если бы другие слуги узнали о моей дружбе с Евой. Быть может, мне нужно хранить эту тайну и в то же время держать ушки на макушке.

– Просто указания насчет платьев, – лгу я. – Ты знаешь, что Филипп Вестергард приезжает завтра на праздничный ужин?

Это грубая попытка сменить тему разговора, но Лильян клюет на наживку.

– Мортенсафтенский гусь, которого готовит Дорит, просто тает во рту, словно масло, – сообщает она. – Как будто действительно ешь что-то волшебное.

Я достаю сборник сказок Андерсена и прячу записку Евы между страниц вместе с письмом отца, а потом закатываю рукава, чтоб осмотреть свои запястья.

Со вздохом облегчения вижу, что кожа чистая и белая, без малейших признаков Фирна.

Но я иду по канату, который рвется у меня под ногами, волокно за волокном, и с невозможными поручениями Хелены, с ее домом, полным слуг, буквально сочащихся магией, так будет продолжаться и впредь. Рано или поздно Ева обнаружит, что я годами лгала ей.

«Нельзя рисковать тем, что она узнает правду обо мне от кого-то еще», – думаю я, расправляя рукава своего платья.

Поэтому сегодня вечером я сама расскажу ей все.

Глава девятая

В тот вечер я дожидаясь, пока дыхание Лильян сделается ровным, а в окно проникнет лунный свет, похожий на белые стеклянные нити, и после этого выскальзываю из комнаты, держа под мышкой новое платье Евы. Я не осмеливаюсь зажечь свечу, поэтому спускаюсь по лестнице на ощупь, вздрагивая от каждого скрипа ступеней. В коридоре, ведущем в главное здание, темно и холодно, как в могиле, и я одной рукой придерживаюсь за стену, а другую подношу ко рту и прикусываю костяшки пальцев, борясь с глупыми детскими страхами перед призраками и ожившими мертвецами. Или перед Бромом, который, как мне кажется, хуже тех и других.

Дойдя до конца коридора, я несколько секунд прислушиваюсь, а потом начинаю медленно взбираться на третий этаж, сама не веря, что иду на такой риск, ведь меня могут уволить, но лишь крепче прижимаю к груди Евино платье, когда крадусь на цыпочках мимо спальни Хелены. Я тихонько, как только могу, отбиваю по двери Евиной комнаты условный ритм из пяти ударов, который мы использовали еще в «Мельнице», чтобы дать друг другу знать, что нам нужно поговорить. Ева поймет, что это я. Она открывает дверь; на ней ночная рубашка, волосы намазаны маслом и убраны под чепец, а на лице расплывается ослепительная улыбка.

– Что ты здесь делаешь? – шепчет она и втаскивает меня в комнату.

Мой желудок слегка сжимается.

– Я принесла твое платье.

Она подносит его к окну, так, чтобы на него падал лунный свет, и бисер переливается, словно жидкое серебро. Ева наклоняет платье то в одну сторону,

то в другую, дивясь застежкам на корсете и фестончатому вырезу ворота.

– Ты сделала это за один день? – удивляется она, и я слышу в ее голосе первые нотки подозрения. – Как, Марит?

Это мой шанс. Я не ждала его так скоро и потому колеблюсь, глядя в ее глубокие карие глаза. Как сказать той, кого ты любишь, что скрывала от нее часть себя всю ее жизнь? Я встряхиваю платье и показываю краешек нижней юбки, куда в «Мельнице» пришивала к нашей одежде потайные карманы, чтобы можно было прятать туда рисунки, конфеты, перья и камушки – скрывать их от Несс и старших девочек.

– В-вот, Ева, послушай, – выдавливаю я, стараясь купить себе немного времени. – Если буду тебе нужна, просто притворись, будто какое-то из твоих платьев требуется починить, и сунь для меня записку в этот кармашек, – просовываю в кармашек палец, чтобы показать ей. – Видишь? Так же, как в прежние времена. Ты помнишь азбуку Морзе, которой я тебя учила?

Меня азбуке Морзе обучил отец. Как-то раз я заглянула ему через плечо и спросила, что за точки и черточки он разглядывает, и он терпеливо показывал мне, как с их помощью можно записать мое имя. В итоге это стало игрой, нашим способом общения: мы оставляли друг другу короткие сообщения на пыли, скопившейся на подоконнике, или на инее, покрывавшем оконное стекло. А потом, после смерти отца, я передала Еве то, чему он меня научил.

– Зачем мне оставлять для тебя секретные послания? – смеется Ева и тоже сует пальцы в кармашек. – Я спрячу здесь кусочек торта Дорит, чтобы ты тоже могла его попробовать.

– Видишь ли, – осторожно говорю я, – теперь все по-другому, Ева.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает она, укладывая платье на крышку своего сундука.

– Наш статус изменился. Вероятно, с твоей стороны будет не очень правильно... так открыто přátельствовать с прислугой. – Я делаю паузу. – Со мной.

Ее глаза озаряются пониманием:

– Я не стыжусь дружбы с тобой, Марит.

– Знаю. Но так будет лучше. Это все равно что игра, – беспечно говорю я с улыбкой и беру ее за руку. – Посылай мне записки, а я буду писать тебе в ответ.

Выпустив Евину руку, я разглядываю обстановку ее комнаты; стены уже расписаны розовыми розами и изображениями балерин. Невероятно, но некоторые из этих балерин даже похожи на Еву. Я люблюсь ими в лунном свете, и мое сердце сжимается.

Сказать правду сейчас – значит, признаться в двух очень важных вещах: во-первых, что я столько лет лгала ей, а во-вторых, что я каждый день, проведенный в имении Вестергардов, рискую умереть от Фирна. И то, и другое разозлит и огорчит Еву.

Зная, насколько она своевольна и умна, предполагаю, что ей может прийти в голову выкинуть какой-нибудь трюк: например, обвинить меня в краже и добиться моего увольнения ради того, чтобы спасти мою жизнь.

Отворачиваюсь, понимая, что мне не хватит духу. «Нет, – решаю для себя, – я не стану пока говорить ей о магии. Еще не время».

– Тебе нужно идти, Марит? – спрашивает Ева.

– Да, – отвечаю ей. Но вместо того чтобы уйти, забираюсь вместе с ней в кровать и устраиваюсь в тепле под стеганым одеялом на гагачьем пуху, вдыхая исходящий от Евы запах пальмового масла и зубного порошка. – Каково оно – жить здесь? – спрашиваю я, придвигаясь ближе к ней.

Она протяжно вздыхает и подбирает руки и ноги под себя.

– Это все равно что сначала голодать, а потом съесть так много вкусного, что тебя почти тошнит. Посмотри на всю эту красоту, – она высвобождает руки и проводит ими по атласному верхнему слою одеяла. Ее голос звучит едва слышно. – Иногда я гадаю, почему она выбрала меня. Марит, а что, если

окажется, что я не такая, как она хотела? – Ева поворачивается на бок, спиной ко мне, и шепчет в стену: – Может быть, тогда она передумает и отправит меня обратно в «Мельницу». Я почти боюсь радоваться. Как будто вдруг проснусь, и все это исчезнет.

– Вряд ли такое случится, милая, – обещаю ей. – Возвращать сирот обратно в приют не позволено. – Я касаюсь губами чепца, под которым спрятаны ее волосы, и чувствую укол вины за то, что по-прежнему скрываю от нее свою тайну.

Она поворачивается, опершись на локоть и подперев щеку ладонью.

– А как там, внизу?

– Замечательно, – быстро отвечаю я.

– Тебя никто там не обижает?

– Нет, – лгу я.

– Пусть и дальше не обижают, – она угрожающе хмыкает и заползает поглубже под одеяло. – А то я их всех уволю. Ты можешь еще раз проделать ту штуку с лицом?

– Штуку с лицом?

– Ну, ты знаешь, рисовать полоски, как мне нравится.

Как-то вечером в «Мельнице», после того как ее снова не выбрали потенциальные приемные родители, я закутала Еву в одеяло и стала водить пальцами по ее бровям, от носа к вискам, а потом вниз по скулам, так легонько, как только могла.

– Во-от, – шепчу я, проделывая это сейчас, так же, как обычно. – Я сметаю прочь все противное и плохое, что было сегодня. Теперь засыпай, и утром мы обе проснемся бодрые и веселые.

– Теперь я счастлива, Марит, – говорит Ева, уже засыпая, – что во все те разы меня не выбрали. Потому что тогда мы с тобой не смогли бы оказаться здесь.

Я смотрю на нее, чувствуя, как застревают комки в горле, и целую ее в лоб. Потом выскальзываю из комнаты и почти добираюсь до первого этажа, когда из коридора, ведущего во флигель прислуги, появляется Нина со свечой в руке.

«О, проклятье!»

Бегом преодолеваю остаток лестницы и ухитряюсь спрятаться за огромной вазой за миг до того, как она огибаает угол. Еще три секунды, и мы столкнулись бы нос к носу. Мое сердце неистово колотится. За спиной Нины виднеется силуэт еще одной служанки, которая отрезает мне путь к подземному коридору. Они обходят на ночь главный дом, и Нина, скорее всего, увидит меня, когда будет спускаться обратно. Я прячусь в тени, пока она не поднимается на второй этаж, а потом приоткрываю входную дверь и выскальзываю наружу. Ночной холод обрушивается на меня, словно удар, и, когда дверь закрывается за моей спиной, слышу слабый щелчок замка. «Да чтоб их всех!» – ругаюсь про себя, делая резкий вдох, и медленно оборачиваюсь.

Покрытый льдом пруд озарен луной и сияет белизной, как будто весь день копил свет, а теперь излучает его сам по себе. Из каминных труб струится дым, пахнувший деревом, и уходит в ночное небо, словно пар над чашкой с чаем. Я пробираюсь вокруг пруда к флигелю прислуги, молясь, чтобы боковая дверь возле кухонного чулана была не заперта. Но, когда дергаю ее, она даже не вздрагивает: замок прочно держит ее. На меня накатывает первый, еще слабый, приступ паники. Если останусь снаружи на всю ночь, то, вероятно, замерзну насмерть.

Я всегда боялась, что моя жизнь в конечном итоге завершится именно так. Просто думала, что замерзну изнутри.

Я погружаю руку в снег, выскивая твердый кусочек льда размером с гальку. Надеюсь, что после скона, который Лильян принесла мне сегодня утром, мы с ней поладили достаточно хорошо, чтобы она впустила меня в дом, а не позволила мне замерзнуть до смерти или не выдала Нине. Мои зубы начинают стучать от холода, и я выпрямляюсь, прикидывая, какое из темных окон наше. Нужно кинуть в него льдинку и при этом не разбить стекло.

– Марит?

Я вздрагиваю от неожиданности, когда Якоб, на сверкающих в лунном свете коньках, выскальзывает из тени на открытый лед.

– Черт! – вскрикиваю я. Порыв ветра касается моей открытой шеи. – Ты меня напугал!

– Извини, – Якоб делает резкий разворот. Чувствуя, как колотится сердце, я прячу замерзшие ладони под передником. Якоб откашливается и смотрит на меня, отмечая отсутствие на мне теплой одежды. – Что привело тебя сюда в такой чудесный вечер? – спрашивает он и подкатывается к краю пруда, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от меня.

Втягиваю воздух носом и произношу про себя жуткие ругательства. Все идет вкривь и вкось.

– Я вышла подышать свежим воздухом и, похоже, захлопнула за собой дверь. Можно ли как-то вернуться в дом... – я моргаю, глядя на него. – ...или ты ночуешь здесь в какой-нибудь сторожке?

Он криво усмехается.

– Вернуться в дом можно. Как только ты придумаешь историю получше.

В окне появляется огонек от свечи.

– Быстрее, там Нина, – шепчу я, – прячься.

Он сходит со льда, и мы пригибаемся, затаившись под карнизом. Я чувствую приятное тепло, исходящее от его тела. В окне над нашими головами появляется лицо Нины, она смотрит на пруд, а потом, спустя несколько напряженных мгновений, уходит, и огонек ее свечи исчезает.

– Надеюсь, ты действительно знаешь, как пробраться в дом, – шепчу я, переводя дыхание, и, когда Якоб поворачивается ко мне, неожиданно осознаю, насколько его лицо близко к моему.

– О, мы-то знаем! – раздаётся слева от меня радостный голос Лильян. Я вздрагиваю от неожиданности, и она смеется, пришнуровывая коньки к башмакам. Над ее головой на карнизе висит бахрома сосуллек, острых и частых, как волчьи зубы.

– Если Нина обнаружит нас всех здесь, – продолжает она, выпрямляясь и одаривая меня озорной улыбкой, – то побреет нам головы и выпорет.

– Правда? – осторожно спрашиваю я.

– Вероятно, нет, – отвечает Якоб, вставая.

– Где твоё воображение? – интересуется Лильян, прикладывая руку к карнизу окна. Стекло мгновенно темнеет, словно подернутое тенью. Я смотрю на это во все глаза, гадая, не обманывает ли меня зрение.

– Больше никакой Нины, – заявляет она. – Пусть смотрит в окно сколько угодно, но нас она уже не увидит.

Лильян поворачивается к нам с ослепительной улыбкой, а потом проходит вдоль ряда окон, превращая их все в непрозрачные черные панели. Осознание расцветает во мне подобно цветку. Неожиданно я понимаю, откуда взялась та изящная роспись на стенах нашей комнаты. И каким образом комната Евы была украшена так быстро.

Должно быть, все это проделала Лильян. С помощью магии.

– Мои верные Нинарушители, – обращается к нам Лильян, ступая на лед, – вы готовы сегодня ночью прокатиться через всю Данию?

Якоб протягивает мне руку и помогает подняться.

Как только Лильян прикладывает руку ко льду, из-под ее ладони растекается и разбрызгивается во все стороны цветная волна, и тысячи воздушных пузырьков проявляются во льду под ее ногами, подобно ошеломительным узорам из стекла. Пруд становится живой картой Ютландии, Фюна и Зеландии, с поросшими пышной зеленью горами, где травы колышутся на ветру. Колокольчики,

нарциссы и фиалки расцветают под морозными звездами. Я чувствую головокружение, когда рассматриваю Данию вот так – как могла бы ее видеть птица, парящая в небесах. Всю свою жизнь я гадала: все ли люди, наделенные магией, боятся ее так, как боюсь я? Но Лильян использует магию беспечно, с радостью, словно черпает из бездонного колодца. Быть может, она просто дурочка? Юная и глупая, она не думает о последствиях и действует куда безрассуднее, чем это делала Ингрид...

Или, возможно, она знает что-то, чего не знаю я?

Я смотрю на нее, чувствуя, как в глубине души что-то ворочается, и не сразу понимаю, что это зависть. Мне нравится, какие ощущения рождает во мне магия. Просто хотелось бы, чтобы к этому наслаждению не примешивался страх, подобный увяданию, убивающему цветок.

Якоб тоже выходит на лед и указывает на карту.

– Марит, а откуда ты родом? – спрашивает он.

– Из Карлслунде, – тихо отвечаю я. – К югу отсюда.

– Тут? – он указывает на точку чуть дальше Копенгагена. Крошечные люди ходят по улицам, а балерины танцуют на сцене Королевского театра, вскидывая длинные ноги.

Я качаю головой.

– Дальше.

– Здесь? – с улыбкой указывает он.

– Правее.

Он поднимает брови и показывает на новую точку, и на этот раз я усмехаюсь, качая головой, а потом осторожно ступаю на лед.

– Я тебе покажу.

Он встречается меня на полпути, и звезды, словно осколки хрусталя, сияют у нас над головами. Здесь они выглядят совсем не так, как над «Мельницей», где прятались в облаках и угольном дыму. Местное небо похоже на зеркало, в котором отражаются тысячи огней.

- Ты умеешь кататься на коньках? - спрашивает Якоб.

- Нет.

- А хочешь научиться? - Он поправляет свою шерстяную шапку.

Я поскользываюсь и вытягиваю руки, чтобы удержаться на ногах.

- Нет.

От Херсхольма до Карлслунде восемь трудных шагов.

- Здесь, - говорю я, указывая на свой родной городок и представляя наш маленький домик под соломенной крышей и «Мельницу». А потом думаю о Несс и чувствую вкус витушек с корицей.

- Карлслунде, - бормочет Якоб, доставая из кармана складной нож. На его подбородке виднеется тонкий светлый шрам, как будто кошка когда-то оцарапала его до крови. - Хелена тоже оттуда, да?

- И Ева. - Я смотрю в небо, на сверкающий звездный вихрь, и дивлюсь тому, как мы все трое вышли из «Мельницы» и оказались здесь, в одном и том же доме. Однако для каждой из нас карты легли совершенно по-разному. Якоб наклоняется и чертит ножом на льду крестом.

- Теперь всякий раз, глядя в окно, ты будешь видеть крошечный кусочек дома, - он складывает нож и прячет его в карман, и я замечаю, что рукава его одежды слишком коротки для таких длинных рук. - Ты была знакома с Евой и раньше?

В ушах у меня неожиданно раздается шепот Ингрид из давнего прошлого: «Тайны - словно узлы, которые связывают людей друг с другом», - так она

сказала мне однажды.

- Да, - рискую признаться я. - Мы росли вместе.

Мне кажется, что завязывать дружбу - это примерно то же самое, что идти по льду, толщина которого меняется с каждым шагом. Я делаю еще один осторожный шаг вперед, испытывая лед на прочность, и спрашиваю:

- Как ты думаешь, с ней здесь все будет в порядке?

Якоб склоняет голову набок.

- В порядке?

- Я имею в виду... ей здесь безопасно? - И добавляю в ответ на его вопросительный взгляд, пытаюсь свести все к шутке: - То, что Брок сказал вчера вечером, это же полная чушь? Никто не стал бы намеренно вредить господину Вестергарду. Да?

Якоб и Лильян переглядываются.

- Да, - соглашается он.

- Вероятно, - добавляет Лильян.

Я надеялась на более твердые заверения, и теперь тревога пробуждается во мне, подобно лихорадочному жару.

- Погодите. Почему Брок считает, будто кто-то мог желать зла господину Вестергарду?

- Брок - не единственный. Эти шахты стоят целого состояния, - говорит Лильян.

Шахты. Что-то замирает у меня внутри. Шахты, которые погубили моего отца, могли стоить жизни и господину Вестергарду?

Якоб слегка отворачивается и говорит:

– Ты слышала, что сказала Нина. Не думаю, что тебе следует особо забивать этим голову. Если, конечно, хочешь продолжить работать здесь.

Такое впечатление, что у меня перед носом захлопнули дверь. Я стараюсь подавить разочарование, когда по льду дружбы у нас под ногами пробегают трещины.

Но потом я поскользываюсь, и Якоб резко выбрасывает руку в сторону. Он сильнее, чем кажется, и подхватывает меня, не потеряв равновесия ни на секунду. Одно мгновение я удивляюсь, как твердо его руки удерживают меня за талию, но неожиданно он отшатывается так быстро, будто я обожгла его. Обнимаю себя руками, чтобы защититься от холодного ветра и разочарования, копящегося в горле, и тихо говорю:

– Я только хочу знать, безопасно ли Еве жить здесь.

Якоб делает шаг ко мне, сохраняя, однако, расстояние примерно в фут – достаточно далеко, чтобы холодный ночной воздух разделял нас, но и достаточно близко, чтобы подхватить меня, если я снова оступлюсь. Он напряженно размышляет о чем-то и смотрит на меня уже по-другому. Как будто случилось нечто, чего я не понимаю, но это «нечто» заставило его передумать.

– Не думаю, что Хелена могла навредить Алексу, если ты это имеешь в виду, – произносит он наконец, тщательно подбирая слова. – Я был его лакеем до того, как он умер, и считаю, что она действительно любила его. Еве с ее стороны ничего не угрожает.

– Но может угрожать еще с чьей-нибудь?

Шрам на челюсти Якоба слегка пульсирует, и мое сердце ускоряет ритм.

– Александр и Филипп Вестергарды вместе управляли шахтами после смерти их отца, – говорит Якоб. – Когда они нашли самоцветы, растущие в известняковой породе, ценность копей увеличилась в сто раз.

– Филипп Вестергард? – переспрашиваю я, начиная осознавать.

Тот самый Филипп Вестергард, который приезжает сюда завтра на Мортенсафтен?

– Когда Алекс умер, Хелена унаследовала все, чем владел ее муж. Основной доход от шахт сейчас принадлежит ей. Но, возможно, Филипп ожидал другого исхода.

По моей коже пробегают мурашки. Эти проклятые копи никуда не хотят деться из моей жизни.

– Он приезжает завтра, чтобы познакомиться с Евой, – выговариваю я. – Как часто он навещает этот дом?

– Летом он обычно занят делами на шахтах. Но зимой приезжает сюда на большинство праздников. – Якоб принимается отсчитывать на пальцах: – Мортенсафтен, Рождество, Новый год. Хелена – единственная, кто у него остался из родни.

В горле у меня встает ком.

– Как ты думаешь, это правда? То, что Филипп может быть опасен?

От меня не ускользает безмолвный обмен взглядами между Якобом и Лильян, когда она проезжает мимо нас, – родные люди умеют вот так общаться без слов. Когда она кивает, у меня возникает ощущение, будто я только что прошла некое испытание.

Якоб поворачивается ко мне:

– Ты знаешь, что случилось в этих копиях. Обвал убил множество шахтеров, – это утверждение, а не вопрос, и он произносит эти слова с полной уверенностью. Почти так, будто уже знает обо мне больше, чем я рассказывала. Я прищуриваюсь, но все же едва заметно киваю, и Якоб продолжает: – Не думаю, что нам известна вся история. Мне кажется, тут скрыто что-то еще.

– Что ты имеешь в виду? – Внутри у меня все холодеет от ужаса. – Ты... ты же не думаешь, что это был не просто несчастный случай?

Лунный свет, отражающийся на серебристой оправе его очков, внезапно становится пронзительно-острым.

– Я думаю, в этих шахтах было что-то, что они пытались скрыть.

– Что? – чуть слышно шепчу я.

– Филипп по-прежнему управляет шахтами, но когда Хелена получила наследство после смерти мужа, то попросила меня просмотреть журналы, чертежи... в общем, все, чтобы удостовериться, что были приняты все меры безопасности и подобных несчастий больше не повторится. И когда я увидел чертежи... то обнаружил кое-что, заставившее меня усомниться в случайности этой трагедии.

– Ты можешь показать их мне? – спрашиваю я. Собственное горло кажется мне тесным и холодным, словно сталь. Что-то странное подступает изнутри, угрожая взорваться подобно рудничному газу.

Якоб колеблется.

– Когда я рассказал Хелене о том, что нашел, она... она попросила меня бросить все это. Мне кажется, она испугалась, что если действительно произошло нечто плохое и Алекс был к этому причастен... – Он сглатывает. – Я в некотором смысле понимаю, почему она ничего не хочет знать, ведь тоже тепло относился к Алексу. Знание изменило бы ее взгляд на него, омрачило память. Это походило бы на то, словно он умер еще раз. Поэтому она решила оставить все позади и жить дальше. Она удочерила Еву, сосредоточившись на будущем. Но, честно говоря, – Якоб пожимает плечами, – это все мне не очень-то по душе.

Лильян скользит на полшага ближе ко мне.

– Это было давно, – мягко говорит она. – Какой смысл разыскивать что-то спустя столько лет?

– Смысл есть, – без промедления отвечаю я, – для меня.

Это означает узнать правду о том, что случилось с моим отцом. То событие изменило все, из-за него я оказалась в «Мельнице» и теперь не могу покинуть этот дом, если есть хотя бы малая вероятность того, что Вестергарды опасны или что-то скрывают. Не могу, когда Ева прямо сейчас спит в хозяйском доме.

Якоб выдыхает и размышляет вслух:

– Чертежи хранятся в библиотеке на третьем этаже. Я могу показать их тебе. Завтра, когда приедет Филипп и все будут заняты подготовкой к Мортенсафтену. – Он откашливается. – Просто... если в этом есть хотя бы капля правды, никто не должен знать, что ты это видела. Ни Брок, ни Филипп, ни Хелена, ни даже Ева. Будь осторожна.

«Будь осторожна».

Всю свою жизнь – до этой недели – я была очень-очень осторожна. Осторожна со своим сердцем, осторожна со своей магией. Но сейчас во мне разгорается тот привычный, безмолвно чадивший много лет гнев, который я испытала в отношении Вестергардов в день гибели отца, как будто в глубине души уже тогда что-то знала. Я перевожу взгляд со скользкого льда у меня под ногами на чернильно-синее небо над головой и задумываюсь о том, насколько глупо учиться кататься на коньках. Ради чего идти на такой огромный риск, ведь всегда есть вероятность упасть, порезаться острым лезвием, разбить голову о твердый лед, сломать кости? «Когда умеешь хорошо кататься, – неохотно предполагаю я, – это, наверное, красиво». Так же красиво, как балет. Но одно неверное движение – одно неправильное секундное решение, – и красота становится смертельной, лед крошится, крошатся кости...

Откашливаюсь и слышу свой собственный голос:

– Наверное, я все-таки передумала.

– Передумала? – удивляется Якоб. – Насчет работы в Херсхольме?

– Насчет обучения катанию на коньках, – поясняю я и настороженно улыбаюсь ему. – Наверное.

Лунный свет снова отражается в его очках, и под его скулами залегают глубокие тени.

– Тогда, наверное, я знаю кое-кого, кто возьмется тебя учить, – говорит он.

Глава десятая

Филипп.

1854 год.

Факсе, Дания

Мне семнадцать лет, и сегодня вечером мне впервые в жизни предстоит увидеть две вещи: мертвого человека и то, как выглядит мой брат Алекс, когда влюблен.

Брат вернулся с войны три года назад, а я до сих пор радуюсь, видя, как он поправляет шейный платок перед овальным зеркалом в коридоре. Он раскрывает гребешок для усов, сделанный из серебра и черепахового панциря, когда дедушкины часы в прихожей бьют пять раз. Алекс проводит пальцами по роговым пуговицам на своем плаще. Запах ваксы, исходящий от его высоких кожаных сапог, так знаком, что если прищуриться, то в наступающих сумерках брата можно принять за нашего отца.

– Ты готов? – спрашивает он, и я киваю, поправляя свой теплый плащ. Я тоже отращиваю усы и смазываю их специальной помадой.

Александр до последней черточки выглядит истинным героем, человеком, который с гордостью вернулся домой после того, как Дания одержала победу в Трехлетней войне, отлупив Пруссию и сохранив свои княжества. Три года назад,

когда он вошел в дом, я бросился ему на шею и заплакал беззвучными, идущими от самого сердца слезами, которые так долго сдерживал, что, боялся, уже никогда не смогу их выплакать.

Алекс помогает матери сесть в карету. Сегодня вечером мы возем ее в театр в Копенгагене, как когда-то возил отец. Папа пожертвовал жизнью на этой войне, но, по крайней мере, не напрасно. «Это единственное, что облегчает боль потери», – думаю я, пока карета катится мимо разрушенного здания фабрики, куда меня не приняли на работу несколько лет назад. Переулок, где я видел мальчика, игравшего с магией, темен и пуст. Мне отчаянно хочется щелкнуть пальцами – это движение я отработывал столько раз, что оно уже превратилось в нервный тик.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Жете (франц. *jete*, от *jeter* – бросать) – одно из основных прыжковых па в классическом танце, при котором во время танцевального шага тяжесть корпуса танцовщика переносится с одной ноги на другую.

2

Вест-Индия (англ. West-Indies – «Западная Индия» или «Западные Индии») – историческое название островов Карибского моря, в том числе Карибских островов, Багамских островов и островов в прилегающих к ним водах Мексиканского залива и Атлантического океана (в том числе и некоторые континентальные острова у побережья континента). Противопоставляется Ост-Индии («Восточной Индии») – странам Южной и Юго-Восточной Азии.

3

Жаконэ – легкая хлопчатобумажная ткань типа батиста или муслина.

4

Скон – небольшой хлебец, обычно сдобный.

Купить: https://tellnovel.com/merfi_emili-beyn/niti-magii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)